

НИДЕЙЛА НЭЛЪТЕ

16+

РАБ

ЧУЖАЯ БОЛЬ

КНИГА 1

Раб

Нидейла Нэльте

Раб. Книга 1. Чужая боль

«Автор»

2014

Нэльте Н.

Раб. Книга 1. Чужая боль / Н. Нэльте — «Автор», 2014 — (Раб)

Тамалия Нилова работает под прикрытием на планете Тарин, где установлен матриархат и процветает рабство. Неожиданно задание усложняется психологически, когда ей дарят раба, и приходится непосредственно окунуться во всё, что связано с человеческой болью и принуждением. А что в тебе открылось бы в случае нежданно свалившейся неограниченной власти над себе подобным? Эта книга - об истинной мужественности, о доброте вопреки благоразумию, о любви без условий и о том, что такое человечность. НЕТ БДСМ и детальных описаний неприглядных сцен. Упор сделан на психологию, душу, умение остаться человеком.

© Нэльте Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	31
Глава четвертая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Нидейла Нэльте

Раб. Книга 1. Чужая боль

Аннотация

*Пока человек чувствует боль – он жив. Пока человек чувствует чужую боль – он человек.
(Франсуа Гизо)*

Я встретила его на самом сложном задании из всех, что довелось выполнять. От четкого соблюдения инструкций и правил зависит не только успех моей миссии, но и жизнь. Он всего лишь раб, волей судьбы попавший в мое распоряжение. Как поступить, когда перед глазами страдает реальный, живой человек? Что делать, если следовать инструкциям становится слишком непросто? Ведь я тоже живой человек.

Я попал к ней бесправным рабом, почти забывшим себя. Шесть бесконечных лет мечтал лишь о свободе, но с Тарина сбежать невозможно. В мире устоявшегося матриархата мужчине-рабу, бывшему вольному, ничего не светит. Таких не отпускают, таким показывают всю полноту людской жестокости на фоне вседозволенности. Хозяевам нельзя верить, они могут лишь притворяться и наслаждаться властью. Хозяевам нельзя открываться, даже когда так не хватает простого человеческого тепла. Но ведь я тоже – живой человек.

Эта книга – об истинной мужественности, о доброте вопреки благоразумию, о любви без условий и о том, что такое человечность.

Пролог

Полевой агент из меня неважный, прямо скажем. Эксперты полагают, что всё дело в эмоциональности. При достаточно высоких показателях, здорового цинизма и флегматичного спокойствия определённо не хватает. Не припомню, чтобы когда-нибудь проявляла эмоциональность в открытую, но на то они и эксперты, видимо.

Однако именно мне пришлось ехать работать под прикрытием. Так уж совпало, что первый долгосрочный опыт выпал на жутковатую планету Тарин. Издавна здесь сложился матриархат, ещё со времени первых колонистов, когда мужчин с трех кораблей почти не осталось, и женщинам пришлось взять на себя буквально всё. Так и пошло. У женщин имелась сила, средства и возможность продолжения рода. Когда Тарин вошёл в Земной Альянс, собирающий под крылышко цивилизации с праматери Земли, это была полностью самодостаточная планета с давно сложившимся укладом, которая принесла в Галактику рабство.

Человеческая натура, конечно, всегда поворачивается лучшими своими сторонами. Это я так шучу мрачно. В том смысле, что рабство подпольно существует по всей Галактике, но раньше оно было запрещено и по возможности искоренялось.

С приходом же Тарина хитро... гм... хитрые политики ввели такой чудесный пункт, что, мол, рабство вообще это плохо, но Тарин – планета суверенная и с её законами мы должны считаться.

Галактика слишком неоднородна, каждая колония долгое время развивалась своим собственным путём, не контактируя с остальными и поддерживая редкую связь с праматерью. А ещё множество спутников, не приписанных ни к одной из планет, пояса астероидов, неучтённые космические объекты. Собирая всех, Земле приходится постоянно корректировать законы и пытаться совместить иногда почти диаметрально противоположные миры. Поэтому в законах Альянса прописано, что каждая планета суверенна и в её внутренний уклад вмешиваться нельзя, а внешние вопросы решаются путём взаимных договорённостей.

Кто-то открыто порицает рабство, демонстративно не имея с Тарином дел, кто-то находит различные причины и оправдания, используя рабов на своих территориях. Однако в итоге получается, что официально приобретенные на Тарине рабы вполне легальны, со всеми вытекающими. А уж дело хозяев не дать им попасть туда, где к рабству не относятся лояльно.

Этим и занимается наш отдел: распутывает весь невидимый клубок, чтобы понять, как изменить ситуацию изнутри.

Не думала, что именно мне придется ехать туда. Но все мужчины-агенты сразу отпали, так как возможности мужчин и их статус на планете очень ограничены. Из незанятых сейчас на других заданиях женщин у меня лучшие результаты по оперативным навыкам и уровню самоконтроля. А главный аргумент – дальний родственник, таринская кровь, подтверждаемая анализами. Окно открылось кратковременное, легенда удачная подвернулась, и нужно было срочно решать. Вот и решили. На мою голову...

Глава первая

Тамалия

Для девушки на реабилитации Тарин, наверное, вполне хорош. Планета развитая, красивая, тёплая, женщин здесь не то, что не обижают – у них вообще на порядок больше прав. А аристократия и вовсе живёт на специально отгороженной, превосходно охраняемой территории, куда и я, первая из наших, попаду.

Единственное, что неприятно сказывается на нервах – огромное количество рабов и, как ни странно, рабынь тоже. Поменьше: видимо, чтобы попасть в рабство, девушке нужно очень постараться, матриархат всё же. Да и цены на них на несколько нулей выше. А вот мужчин... Особенно на территории аристократов – в космопортовых городах такого удручающего количества нет... Их водят на цепочках в качестве игрушек, используют как телохранителей и даже как орудия для вымещения злобы. Смотреть неприятно, но меня готовили морально. Поэтому я включила «режим циника», тот самый, с которым всегда имела проблемы, и попыталась себя убедить, что, если повезёт, от моей работы хоть что-то да изменится.

Ясным солнечным днём вошла в небольшой двухэтажный особнячок – на первом этаже гостиная с кухней, на втором две спальни, крохотный, но очень ухоженный садик. Мечта, можно сказать. Разгребу подвал, чтобы обустроить в нём спортзал. Вторую спальню переделаю под кабинет. Сейф, правда, в гостиной и скрыт условно – когда обустрою кабинет, перенесу его туда и сделаю потайным. Но хороший сейф, добротный, с двойной стеной (будет отдел для оружия), из тех, над которыми трудиться нужно даже самым отъявленным взломщикам. Зато не придётся сразу же светиться покупкой нового, а уж с переносом моя техника управится.

Стёкла и наружные стены во всём домике взрыво-пуле-непробиваемые. Мода здесь такая у аристократии.

Гостиная – просторная, светлая, с мягким белым уголком, одну из стен занимает красивый встроенный шкаф, у другой два кресла с журнальным столиком, который, при желании, трансформируется в рабочий стол.

По легенде я не слишком богатая, но аристократка – точнее, потомок первых колонистов, здесь от этого всё пляшет. Поначалу задание казалось лёгким: всего-то войти в высший круг, пропуск куда даёт моё происхождение, и собрать как можно больше сведений о каждом. Мы знали о Корнеле, единственном мужчине среди верхушки – после смерти жены умудрился прибрать всё к рукам, пока растил доченьку на смену. Хватка у мужика, насколько я понимаю, железная, и он контролирует на Тарине огромный сегмент рынка, как производственного, так и рабовладельческого.

Заправляют всем на планете Три Главы – изначально от каждого из трёх первых кораблей, а как туда попадают сейчас, предстоит выяснить. Предполагаю, что путём интриг и различных комбинаций.

Собранные сведения я должна передавать через связных в контору, а заодно и сама пытаться составить схему местной структуры власти, чтобы понимать, где у них уязвимые места, куда можно надавить, куда – посадить своих, и так далее, и тому подобное. Не слишком сложная, в сущности, работа, пока не прикажут раздобыть какие-нибудь секретные данные. Но сначала нужно понять, где их раздобывать, а также попытаться хоть раз встретиться с Троицей. К ним просто так не подступиться, по крайней мере, внешне. Однако я ж теперь аристократка!

А ещё у аристократов имеется скрытое информационное пространство со своими сайтами, куда я тоже получу доступ. Наши пробиться в него со стороны не смогли.

Ну и дважды-трижды в неделю, по самочувствию, предстоит посещать реабилитационную группу, разыгрывать из себя жертву, постепенно приходящую в норму. Психологи долго меня инструктировали, надеюсь, справлюсь.

Антер

Иногда мысли циклятся лишь на одном. Чем можно воспользоваться, чтобы навсегда прекратить это. С утра Амира куда-то ушла, в кои то веки не взяв меня с собой, и появилось немного времени, но все средства давно уже пересмотрены и отвергнуты в качестве неудачных орудий самоубийства.

В такие моменты бывает странно, что раньше хотелось выжить любой ценой. Достали уже эти весы. Сначала готов на всё, чтобы не испытывать больше этой боли... А потом готов умереть от того, что пришлось делать...

Амира вернулась в сопровождении нового раба. Вот куда она ходила. А я бездарно потерял драгоценное время.

Кнат был хорош, откормлен и накачан – я бы даже сказал, перекачан, без препаратов тут не обошлось. Хоть бы она меня не заставила их пить, она же поведена на мужских телах. Но моё, кажется, ей и без того нравится. Нравилось.

Новый раб смотрел с лёгким презрением, чем сразу вызвал неприязнь. Мы все в одной упряжке, дурак, кроме как друг на друга – рассчитывать не на кого, да и друг на друга тоже не всегда, каждый за себя. Когда в голове болевой чип – не слишком за кого-то попереживаешь.

– Я вернулась, сладкий, – сообщила эта жирная корова, потрепав меня по щеке. Ненавижу. Кажется, я дёрнул головой. И откуда это упрямство берётся? Немного приходишь в себя, и всё внутри протестует против слепого повиновения. Плохой из меня раб. Жирные губы в толстом слое кровавой помады искривились:

– Что это ты дёргаешься? Забыл, как госпожу приветствовать?

– Забудешь тут, – буркаю. Убей ты меня уже, и дело с концом. Дурак, знаешь же, что так просто не будет.

В её глазах загорается жадный огонь, мне и говорить не нужно. Скидываю одежду – Амира её портить не любит, потом ведь новую покупать придется. Беру кнут, подаю как положено, с колен. Не встаю, пока не прикажет как минимум дважды. Поднимаюсь, поворачиваюсь, берусь за вбитые в потолок кольца на штырях, фиксирующих высоту. Закрываю глаза, закусываю губу.

Всего десять ударов, переживу. Теперь час лежать в подвале на голом каменном полу.

Тамалия

Мой первый выход в свет состоялся сразу же после сеанса реабилитации. На нём собрались всего несколько девиц, у некоторых рабы или рабыни с собой, тихо сидели возле стеночки. На поясах у хозяек – пульты не совсем ясного предназначения...

Впрочем, атмосфера была спокойной, рабы вели себя тихо, девушки понимающе, меня представили, я рассказала свою легенду, сбиваясь, глотая воду, даже слезу пустила. Кажется, натурально. Сработало.

Познакомилась со Свеллой, её образ в конторе показывали, достаточно спокойная девочка, с рабыней-телохранительницей. Рабыня вполне ухожена, но по-моему, если глубже копнуть, здесь, на Тарине, такого накопать можно... Когда человек начинает ощущать неограниченную, бесконечную власть над другим, много разных черт на поверхность вылезает. И не всегда хороших.

Вцелом Свелла производила неплохое впечатление. Она происходила из давней, не самой богатой семьи, пару десятилетий назад открывшей какой-то парк развлечений, входила в высший свет и пригласила меня на сегодняшнюю вечеринку.

Обрадовавшись, что так быстро можно начать внедрение, я с радостью приняла приглашение.

Свелла даже заехала со мной домой, подсказала, что лучше надеть – я пожаловалась, что слишком долго пребывала на Амадеусе, планете в другом конце Галактики, и совсем не в курсе местной моды. Хотя, конечно, я была в курсе, Свелла пришла в восторг от моих платьев,

мы мило поболтали о различных женских глупостях, тактично избегая тему мужчин (в отличие от меня, остальные девушки действительно пациентки), затем заехали к Свелле, откуда на открытом гравикаре отправились на вечеринку.

Телохранительница Свеллы, Анита, выглядела очень профессионально. Кажется, даже ко мне отнеслась настороженно, хотя я изо всех сил пыталась играть свою роль. Надеюсь, открытое серебристое платье, облегающее фигуру, успокоило её, а некоторые приспособления под юбкой она не увидит.

– Она при тебе бессменно? – интересуюсь у Свеллы, поддерживая разговор.

– Ещё две есть, – отвечает, – мама лично отбирала из элитных. Но Анита мне нравится больше всех, она не думает, как бы сделать гадость за спиной, и мы её наказываем очень редко.

Молчит немного, вздыхает:

– Я бы её вообще не наказывала, но ты же знаешь, совсем не наказывать нельзя, они забывают, что это такое, и получают лишнюю свободу.

Кивнув, обращаюсь к заинтересовавшей меня информации:

– Элитные рабы? Это что такое?

– Ты откуда свалилась? – посмеивается Свелла.

– С Амадеуса, – говорю, – демократия там.

– Всё время забываю, что не везде так, как у нас, – произносит с лёгким недоумением. – Ну элитные – это рабы, которые рабы по рождению, их отбирают с детства, самых послушных, воспитывают и тренируют в какой-то области. Их не нужно постоянно держать в страхе, они почти всегда хорошо исполняют работу и не помышляют о побеге. Ты бы себе тоже такого завела.

– Спасибо, – хмыкаю, – пока как-то не тянет, но может со временем... А какие ещё бывают?

– Ну, те, кто с рождения, но ни к чему не приспособлены или плохо обучаемы. У них обычно дорога или в прислугу, или в постель, или на какие тяжёлые работы, вроде добычи руды. Есть ещё те, которые стали рабами уже в сознательном возрасте. С ними больше всего хлопот, не понимаю вообще, зачем такие нужны. Ну некоторым, знаешь, нравится... укрощать, что ли.

Она пожимает плечами, и пока остаётся расположена к беседе, интересуюсь:

– Наверное, элитных чаще других на волю выпускают?

– На волю? – удивляется Свелла. – Зачем?

– Ну... – теряюсь. – Дают же вольные... за хорошую службу, к примеру?

– Не знаю, – отзывается, – у нас не дают. Я вообще подозреваю, что этот пункт написали или откопали где-то в старых законах только для вступления в Альянс.

Вот оно что, думаю. Но не перебиваю – слушаю.

– Какой смысл их отпускать, они всё равно ничего не умеют? Будут делать то же самое, но за деньги, так у хорошего хозяина элитные рабы и без того ни в чём не нуждаются, некоторым даже на личные нужды кое-что перепадает, разрешено в браки вступать... Те, которые не приспособлены, вообще не выживут, куда им дорога?

– Ну да, наверное, – соглашаюсь. – А третьи?

– Ты что?!

– Я, наверное, наивные вопросы задаю, – смущаюсь.

– Не то слово. Глупые, я бы сказала. Тем, кто раньше были вольными, никто и никогда свободу не даёт!

– Это запрещено?

– Да нет, не то чтобы. Просто это неразумно! Он прежде всего начнёт мстить хозяевам. Если не сломался окончательно. Насколько я знаю, даже когда вольные были подписаны на другой планете... такие долго не проживали.

– Почему? – говорю наивно. Пожимает плечами:

– А ты как думаешь?

Думаю, неужели у местной верхушки настолько лапы длинные.

– Ну если они так опасны, не пускали бы их на Тарин и дело с концом, – выдаю.

– Понимаешь, Ямалита, если рабы будут знать, что у них нет выхода, то перестанут быть такими строптивыми. А если будут знать, что свобода реальна, то их вообще невозможно станет усмирить. Ну половину как минимум. Говорю же, не понимаю, для чего их вообще рабуют.

Слово-то какое, думаю. Рабуют. Очень хочется спросить, не противно ли ей так рассуждать, но Свелла выглядит как человек, искренне верящий в то, что говорит, и не видящий в этом ничего ужасного. Воспитание, убеждаю себя. Окружение. Но ведь не такая уж плохая девочка...

Подъезжаем, разговор прерывается. Вот тебе и первая информация, агент Там, мы-то думали, что рабы делятся на легальных – проданных на Тарине – и не легальных, то есть со всех других планет, где нет официального разрешения. А тут, оказывается, куча своих слоёв и понятий. И что-то мне так не хочется в это всё закапываться!

Ладно, в конце концов, меня же не к рабам определили, а к высшему свету. Переживу.

Мне повезло, мы попали не куда-нибудь, а к самому Корнелю. Дом у него, конечно, не чета не то, что моему – а, наверное, и вообще большинству особняков Галактики. Огромный участок на берегу океана, белые стены, зеркальные высокие окна – столько стекла, дух захватывает, бассейны, фонтаны, беседочки, летние павильоны, веранды, и много-много перетекающего пространства.

По территории ходили какие-то огромные животные, похожие на леопардов. Меня уверили, что они не опасны, но не хотелось бы попасть сюда ночью тайком.

Высшее общество уже собралось в огромной гостиной, у которой отсутствовала одна стена, благодаря чему пространство перетекало в прекрасный уютный парк с бассейном. Свелла представила меня аристократам, Корнель радушно пригласил быть гостьей, его восемнадцатилетняя дочка Олинка радостно трясла мою руку и что-то щебетала, я вкратце рассказала свою историю, сбиваясь и комкая фразы, прекрасные дамы пожалели, пообсуждали мужчин на других планетах, поговорили о том, что везде не мешало бы учредить матриархат, а после благополучно забыли.

Почти все, как и Свелла, пришли с рабами или рабынями, по большей части выглядевшими нормально и ухоженно, у большинства имелись ошейники различных видов. Для них даже было отведено место, мягкий ковёр с небольшим столиком, на котором стояли какие-то соки, фрукты и лёгкие закуски. Не так уж и страшно. Неприятно, конечно, но неравенство всегда преследовало людей, такова уж наша природа. Это мой «циник» меня уговаривает, потому что, если честно, мне глубоко противно такое положение вещей.

– Скучаешь? – подходит Олинка. На этот раз на поводке, прикрепленном к ошейнику, она ведёт симпатичного стройного парня. Правда, при взгляде в его глаза мне делается как-то неуютно, но агент Там, ругнувшись, заставляет себя заняться делом, и я пожимаю плечами:

– Осваиваюсь.

Парень одет в блестящую чёрную кожаную жилетку, открывающую красивую мужскую грудь, и такие же узкие штаны, будто только-только из стриптиз-бара.

Олинка садится рядом со мной на небольшой мягчайший диванчик, парень опускается у её ног, она запускает руку в его волосы и перебирает их.

– Ну как тебе у нас? – изображает радушную хозяйку Олинка.

– Замечательно! – улыбаюсь.

– А ты уже себе раба присмотрела? – интересуется.

– Да нет, не успела, – говорю. – Недавно же приехала, не совсем ещё знаю, что тут к чему... Слушай, мне так стыдно, позабывала половину имён, расскажи обо всех?

Олинка охотно принимается пересказывать местные сплетни, из которых я вычленила крупницы полезной информации.

– А Три Главы? – спрашиваю, когда Олинка выдыхается и начинает поддёргивать волосы парня сильнее, чем следовало бы. Хочется напомнить, думаю, наверное забылась слегка... Но как-то не решаюсь, мало ли, что у них за отношения.

– Не знаю, – сникает Олинка. – Они такой тайной окружены, попробуй подступись. Хотя папа обещал, что когда-нибудь и я... – запинается, обводит языком губы, понимаю, что ступила на скользкую стезю. Чтобы она потом не вспомнила, о чём я интересовалась, тут же перевожу разговор на другое, взглянув на парня у её ног:

– Слушай, а бывает, что вольные влюбляются в рабов или рабынь?

Она смотрит на меня таким ошарашенным взглядом, будто я сболтнула несусветную чушь.

– Влюбиться в раба? – тянет его за волосы, задирая голову и по-хозяйски целуя в губы, замечаю, как вторая рука поглаживает странный пульт на поясе. – Такое только жительница Амадеуса могла сказать. Повернись-ка... – тянет парня за ошейник, он становится на колени, повернувшись к ней лицом, Олинка ещё раз целует его:

– Ты меня любишь, Дэн?

– Конечно, госпожа, – отзывается тот.

– Не верю, – капризно произносит Олинка, стремительно теряя мою симпатию.

– Несравненная обожаемая госпожа, я люблю вас больше всех на свете, доставлять вам удовольствие – смысл моей жизни...

– О, как, – смеётся Олинка, демонстративно подмигивая. Наталкивается на укоризненный взгляд Корнеля, лицо делается недовольным.

– Сядь уже, – сообщает рабу, и когда он снова устраивается у её ног, так проводит рукой в драгоценных кольцах по его шее, что мне становится не по себе. Будто сейчас перережет.

Что за глупости, мы же взрослые цивилизованные люди. Я знаю, что к рабам тут относятся как к вещам, ну что поделаешь, статус у них такой, исторически сложившийся. Но ведь это не значит, что они им тут глотки перерезают почём зря?

Антер

Наказан. Колотит дрожь. В небольшом голом каменном помещении больше никого – сегодня «повезло» только мне. Через час-два ей надоест, вылежит мою спину и снова вызовет. Как же меня от неё тошнит.

На этот раз она про меня не забывает. Изредка балуется кнопками, передающими через пульт сигналы боли в мой чип, так что через час я уже взмокший, дрожащий и согласный на что угодно, лишь бы прекратить пытку.

Как и сотни раз до того. Клянусь себе больше не перечить... И мечтаю о том, что получится сбежать.

Но это всё же Тарин. Тогда хотя бы умереть.

Выхожу из медкабины. Точнее, вылезаю – она ждёт, и не приведите боги при ней подниматься на ноги. Я не поднимаюсь, только не нужно больше боли, пожалуйста... Лучше уж обратно на астероид! Там было во сто крат тяжелее, но надсмотрщики плетями били изредка, чтобы подстегнуть, да не лишить работоспособности. А страшные кнопки – только в случае побега. И дёрнул же меня демон попытаться сбежать на почтовике. И ведь почти сбежал, почти вышел из радиуса действия пульта. Почти не поймали, усмехаюсь горько. Если бы знал, куда потом попаду, лучше бы и не дёргался.

Амира подходит, тошнотворный запах её духов и каких-то втираний, её тела, отвратительная, въевшаяся навсегда вонь, чёрт, кажется, сейчас меня стошнит... Видеть не могу её ноги.

Позывы почти невыносимы, может, специально с утра в еду подсунула чего? А что, хорошее развлечение. Хотя, наверное, тогда поостереглась бы подходить сама.

Судорожно дёргаюсь, отворачиваюсь, желудок поджимается к горлу и меня выворачивает прямо на ковёр. Амира с визгом отскакивает, лупит меня забрызганными ногами:

– Ты что себе позволяешь, раб?!

– Простите, госпожа, наверное, съел что-то не то...

– Ты хочешь сказать, что я плохо вас кормлю?!

– Что вы, госпожа, вы лучшая хозяйка из всех, что у меня были... – кажется, лицо сводит судорогой, тварь ты, лучшая. К зубам снова приливает, сцепив их пытаюсь ещё что-то добавить.

– Чего мямлишь? – сердито. – Убрал за собой и марш обратно в кабину! Вылезешь – я с тобой разберусь.

Запускаю уборщика, с этой станется спохватиться и заставить меня убирать руками, но она отвлеклась на новенького, что-то ему внушает. Кажись, идут отмывать её ноженьки. Голова кружится, ничего не соображаю, снова лезу в кабину.

Когда вылезаю обратно – уже не тошнит, но хочется упасть. Кабина сообщает, что мне необходим какой-то препарат, которые закончились, требуется дозаправка, но хозяйка не собирается изводить их на меня, считает, обойдусь. Стараюсь не шататься, она сидит в кресле, новый массирует её ноги. Хозяйка кривится на моё приближение:

– Ну, покажи мне, на что ты сейчас способен...

А на что я, по-твоему, могу быть способен?!

– Что-то в последнее время на тебя слишком много таблеток уходит, – заявляет, – дорого обходишься.

Стою на коленях, соглашаюсь, извиняюсь, говорю такое, о чём вспоминать потом тошно, с отвращением думаю о таблетке, которая заливает сознание, вызывает тошнотворное, постылое возбуждение, после чего приходится приближаться к этому жирному дряблему телу, и никуда не деться от вони, и невозможно отмыться... А потом лежишь на своём матрасе, молча скулишь, закусывая угол подушки, ненавидишь себя и презираешь, и не чувствуешь ни мужчиной, ни просто человеком – вещь, бесправным рабом, который нужен единственно для того, чтобы исполнять любые прихоти хозяев, и со стыдом понимаешь, что будешь их исполнять, потому что одного нажатия на кнопку достаточно, чтобы забыть о том, что такое гордость, достоинство, свои желания...

Но нет, у неё уже есть новая игрушка, а я слишком дорого обхожусь. По-хозяйски разочарованно ощупывает меня, умоляю себя хоть разок, ну пожалуйста, представь себе другую, красивую, ласковую, добрую... а такие разве бывают? Ну представь сексуальную, молодую, стройную... Не хочу никакую, не могу, сейчас снова тошнить начнёт.

– Да, – разочарованно, – пора продавать, совсем от тебя ничего не осталось. А такой молоденький, такой хорошенький, я прямо нарадоваться не могла, какой мужчина попался. Думала, как обучу тебя – долго замены не захочу.

Молчу. Отпусти. Я посплю немного, соберусь с силами... Может быть...

– Наказание! – сообщает радостно. Кажется, всхлипываю, начинаю умолять, Кнат смеётся, урод, подожди, и до тебя дойдёт. Она довольна – не то слово. Демон, заткнись... Затыкаюсь: бесполезно. Закусываю губу.

– Ну что же ты, – говорит, – мне понравилось, можешь продолжать.

– Прекраснейшая госпожа отменит наказание?

– Продолжай, там посмотрим.

Продолжаю. А вдруг отменит. Ненавижу себя, противен себе, знаю, что не отменит, получит удовольствие и сделает по-своему. Убей ты меня уже.

– Кольца, – сообщает счастливо. – Лицом.

Поднимаюсь после третьего разрешения, бьёт дрожь, лицом – значит, что-то изощрённое придумала, берусь, она заставляет Кната закрепить плотно руки и ноги, боже, что меня ждёт.

– Убей меня, госпожа... – не выдерживаю, скалится:

– Нет, так не интересно, бесценный. Мы сейчас послание следующему владельцу напишем.

Берёт жуткого вида прибор, смахивающий на смесь паяльника и острого пера. Это то, что я думаю? Господи, сдохнуть бы поскорее! Кладёт мягкую подушку, садится на неё передо мной, подключает инструмент к питанию, достаёт чёрный порошок, макает в него инструмент, подносит к животу. Сначала процарапывает пером, потом прижигает порошок, эту дрянь просто так не срежешь и не сведёшь, наслышан...

– Кричи, – милостиво, даже, я бы сказал, с желанием услышать... Не дождёшься. Прокусываю губу, по ногам и подбородку льётся кровь, воздух наполнен запахом горелой плоти. Кнат уже не смеётся. Амира долго, долго пишет что-то внизу живота, два слова, длинных, крупных, неровными буквами, сама, не останавливаясь.

Дёргаюсь, руки выворачиваются в плечевых суставах, ноги сводит судорогами, прорезает, прижигает, и снова...

Не выдерживаю.

Кричу.

Глава вторая

Тамалия

Две недели промчались почти незаметно. Реабилитационные занятия, пара выходов в свет, собираю информацию, пытаюсь составить иерархическую схему такой, какая она внутри, а не на поверхности. Скоро должна быть первая встреча со связным, хоть бы Лерку прислали, душу отвести!

Сию в гостиной за преобразованным столом – нужно срочно заняться кабинетом, да всё не до того, жизнь никак не устаканится. Включила сетевик, записываю то, что вспоминаю, под именами в схеме. Пишу шифрами, не приведите боги попадётся кому.

Задумываюсь, сопоставляю всё, что узнала о Троице. А есть ли она? Не может ли быть такого, что это некие подставные дамы – ведь их только в СМИ и видно, – которыми руководят другие структуры?

Да всё может быть, мало данных. Хотя для двух недель – результат неплохой.

От работы отвлекает перелив коммуникатора входной двери. Поскорее сворачиваю схему, засовываю сетевик в сейф, скрываю сейф фальш-панелью.

Отвечаю. Возле дома стоит не кто-нибудь, а Корнель собственной персоной, лучится улыбкой, на заднем плане дорогуший гравикар.

Радостно выбегаю, открываю дверь, смотрю с восхищением и смущением, несу всякую чушь про оказанную мне честь.

За Корнелем плетётся полуголый парень – торс открыт, на ногах серые холщевые штаны, босиком. Раб, думаю с отвращением. Между прочим, гораздо выше коротышки Корнеля, и стройнее, и моложе не в пример. В руках папка с бумагами. Симпатичный, мышцы развиты, как от тяжёлого физического труда. Подтянутый живот. Худой только. Жалко бедолагу, пропадает тут, молодость свою губит...

Встряхнув головой, стараюсь не думать: знала же, на какую планету попаду. Нужно изображать свою роль до конца.

– Дорогая наша Ямалита, – Корнель вешает на дверь кнут – знать не хочу, для чего его используют! – картинно разводит руки, заключая меня в символические объятия, и даже троекратно целует в щёки. Кажется, для этого ему приходится привстать на носки. В глазах раба сверкает ненависть – на мгновение кажется, он сейчас прыгнет и свернёт хозяину башку. Но нет, сдерживается.

– Ну как ты у нас, освоилась?

– Да, спасибо, уже намного лучше, – отвечаю, приглашаю в гостиную. Корнель вальяжно заходит, кивнув рабу, чтобы тоже не топтался на пороге. Окидывает взглядом моё скромное жилище, не позволяет себе выказать пренебрежения, галантно целует руку, называет прекрасной госпожой, уточняет, нравится ли мне на планете, всего ли в достатке, не обижают ли – и так далее, и так далее.

– Вот, – вдруг указывает на парня, – решил тебе подарок сделать.

Дурнота приливает к горлу, не знаю, как удерживаюсь, чтобы не вспыхнуть. Так это мне подарочек?! Всю жизнь мечтала!

Изображаю улыбку, не совсем понимающую. Корнель достаёт небольшой серый сенсорный пульт, забирает у раба папку:

– Здесь все документы, подпись свою поставишь. А это – управление.

Довольно улыбается, думаю, может, мне киборга какого дарят?

– В смысле – управление? – переспрашиваю. Лучше бы не спрашивала, дура, видела же пульты у других.

– А вот, – произносит Корнель и довольно нажимает на кнопочку. Парень выгибается, стискивает зубы, зрачки расширяются. Да ему же больно, доходит до меня. Что же это такое? Падает на колени, на пол, из стиснутых губ раздаётся глухой стон. Вырываю у Корнеля пульт.

– Не терпится? – усмехается, козёл. Киваю, нужно же легенду поддерживать.

– Ну развлекайся, – говорит, кладя папку на стол. – Это я ещё слабенько, сейчас оклемается. Только давай передохнуть, а то не выдержит. Я знаю твою историю, так что можешь отыгаться.

Корнель, довольный собой, подмигивает. Не в силах вымолвить ни слова, снова киваю. Я на такое не подписывалась!!! Если бы не эта демонстрация, я бы, пожалуй, тут же отдала раба обратно. Но как подумая, что его там ждёт...

– Олинка моя выбирала, – с гордостью за дочурку сообщает счастливый отец.

– Спасибо! – радостно улыбаюсь. – Где подписать?

– Вижу, что угодил, – расплывается он в улыбке, открывает папку. Почти не глядя, лишь фиксируя документы, проставляю свои нынешние подписи в нужных местах. Не отдам беднягу ни одной сволочи!

Пока просматриваю и подписываю, Корнель подходит к лежащему на ковре парню, пинает ногой под рёбра:

– Ну что разлёгся, как там тебя... Антер, кажется? Поднимайся. Хорошо придуриваться.

Парень, подрагивая, переворачивается на живот и начинает медленно вставать.

– Куда! – Корнель задирает ногу и ударяет в плечо. – Забыл, как при хозяевах стоять нужно?

– Простите... господин... – парень перемещается на колени, да уж тут маму родную забудешь, в глазах пелена боли и страх полощется.

– То-то же, – Корнель подходит ко мне. – Ладно, оставляю тебя, играйся, почитай описание. У него чип в мозгу, к болевым центрам подключен.

Кажется, я чуть не выругалась – красиво так, забористо. Одно дело знать теоретически, и другое – видеть перед собой настоящего живого человека. Да что ж вы все творите, сволочи! Мерзавцы! Полжизни бы отдала, чтобы сбежать отсюда!

Мы знали, что имеются какие-то возможности влияния на рабов на расстоянии, но всё это вне круга посвящённых хорошо замалчивается и вуалируется.

Корнель, проходя, легонько стучает пальцем по пульта, парень выгибается, но воздействие короткое, и он остается в той же позе. Кажется, слышу хруст зубов. Что же, что мне делать?!

– Спасибо! – выгляжу как можно более довольной, едва удерживаюсь от желания подпихнуть дорогого гостя под квадратный зад, но он и сам уже идёт к выходу. Какое счастье, что не требует, чтобы я при нём экспериментировала.

Несколько минут стою возле двери, беря себя в руки, справляюсь с непрошенными слезами и усиленно соображаю, что делать дальше. После возвращаюсь к своему нежданно привалившему имуществу.

Парень так и стоит на коленях посреди гостиной. Тёмные всклокоченные волосы, тёмно-карие глаза, худой – наверное, не кормили последние дни, да и раньше не баловали. Хорошо, хоть отмыли. Откуда же ты, несчастье, на мою голову? И как мне с ним себя вести? Первое задание, я же могу выдать себя на раз... кто его знает? А вдруг специально подослали?

Беру в руки пульт, разглядываю, повертев. Парень сжимается, взгляд становится затравленным. Да уж, хорошие кнопки, инструкцию читать страшно – острая боль, ноющая боль, эффект плетки (передаётся напрямую в мозг, ощущения неотличимы от настоящих, но следов не оставляет), и всё более и более садистские. Как же можно, живой ведь человек!

Аккуратно кладу пульт на столик – всё равно он включается лишь прикосновением пальца свободного человека, а если попадает в руки рабу, за которым закреплен, становится

раскалённым. Хотя, разработчики советовали подключить к общедомовой коммуникационной системе, для перевода на мысленное управление, а сам пульт держать в сейфе, новый стоит уйму денег. Но я в любом случае не собираюсь им пользоваться.

– Вставай, – вздыхаю. – Потом...

Не успеваю договорить – его глаза делаются совсем несчастными и непонимающими, он низко склоняется, касаясь лбом пола.

– М-мм... – заглядываю в бумаги, – Антер, ты чего? Вставай, говорю...

– Простите глупого раба, госпожа... Я не понимаю, чего вы ждёте... – поднимает голову, будто надеясь что-то выяснить.

– Я уж не знаю, как сказать яснее. «Вставай» – это противоположное «ложись».

– Я понимаю, что вы хотите устроить мне проверку, госпожа, только лучше уж сразу зачитайте список обязанностей. Я буду неукоснительно их исполнять.

Ах вот оно что. Видимо, предыдущие хозяева сначала смотрели, что он сделает, а уж после сообщали, как сильно он ошибся и чего делать не стоило.

– Послушай, – шагаю к нему, намереваясь поднять, однако он вцепляется в мои ноги и начинает их целовать.

– Ты что вытворяешь? – от неожиданности отскакиваю, кажется, нечаянно ударив его. Вот чёрт, не хотела же!

Он поднимает было руку, но не смеет вытирать губы и снова склоняется:

– Простите, простите меня, госпожа!

Парня ощутимо трясёт, похоже, не на шутку боится расправы. Что же нужно сделать с человеком, чтобы превратить его в ЭТО? Ответное извинение застревает в горле.

– А ну встань на ноги! – рявкаю.

Антер

Как же противно. С этими хозяевами никогда не знаешь, чего ожидать. Сначала они говорят встать, а потом включают плеть, потому что ты или встал не так, или вообще не имел права этого делать – тебя проверяли – или... Такое множество «или», за которое можно наказать.

С этой планеты нереально сбежать. Не с моими скудными познаниями и возможностями. Давно ли я клялся себе, что никто и никогда не заставит меня встать на колени? А теперь вот, похоже, наоборот – никто уже не заставит с них подняться.

Она разглядывает пульт с таким выражением, что меня прошибает озноб. Да я вылижу языком твои туфли, да что там туфли – болотные сапоги, только положи его, пожалуйста, умоляю, не пробуй... Ведь каждому интересно перетывать все кнопки, посмотреть, как они действуют на нового раба.

Кладёт. По-моему, вздыхаю, боясь, что она это заметит. Тут не угадаешь. У кого-то страх вызывает жалость – ненавижу себя в такие моменты! У кого-то наоборот, желание довести до предела, услышать мольбы и крики. Таким стараюсь удовольствия не доставлять. Но не всегда получается.

Женщины на этой планете ненормальные. Где ты, моя свобода? Впрочем, то, что на некоторых планетах вытворяют мужчины с рабынями, не лучше.

– Вставай, – кажется, тоже вздыхает. Недовольна. Чего же ты ждёшь, тварь?

Медленно склоняюсь, демонстрируя крайнюю степень покорности.

– М-мм... Антер, ты чего? Вставай, говорю...

– Простите глупого раба, госпожа... Я не понимаю, чего вы ждёте...

Продолжает настаивать на том, чтобы встал. Нет, я не дам тебе повода вернуться к пульта. Смотри, я покорен, полностью в твоей власти, зачитай ты мне уже обязанности и запреты!

Приближается. Амира обожала, чтобы я целовал её ноги, извиняясь. Даже просто так извиняясь – она считала, что мне всегда было за что извиниться, хотя я вообще не представлял,

чем мог её обидеть. Старался угодить так, что сам себе был противен. Ну эта вряд ли слишком отличается, на Тарине все бабы поведены.

Обнимаю приблизившиеся ноги, с отвращением покрывая их поцелуями. Моего лица ей всё равно не видно, пусть наслаждается.

Эта тварь пинает меня ногой в лицо, отшатываясь. Сука, что тебе не нравится? Еле останавливаю себя от желания вытереться – сейчас ещё обидится, что мне неприятно, и вспомнит про пульт. Почему-то колец не видно, у Амиры они чуть не в каждой комнате имелись, а у этой, может, специальная оборудована?

Вдруг снова прошибает озноб. Это Амира жаждала унижений... нет, не так, унижений жаждут все хозяева, нормальные люди на такое даже смотреть не могут, они себе рабов не приобретают. А эти, с извращённой психикой, все жаждут... Но Амира хотела, чтобы унижения рабов превозносили её. А на самом деле, по правилам, прикосновение к хозяину без его разрешения влечёт одно из самых страшных наказаний.

– Простите, простите меня, госпожа! – снова склоняюсь перед ней, кажется, меня уже почти заметно трясёт, я уже почти рад был бы, если бы она наконец нажала хоть какую-то кнопку. Ожидание может быть ещё большей пыткой.

– А ну встань на ноги! – орёт. Распрямляюсь, ожидая дальнейших распоряжений. Она зла, как чёрт. Неужели ошибся и она действительно хотела, чтобы поднялся? Может, плохо рассмотрела своё имущество?

Попросить ещё раз зачитать мне список? К чёрту. Хотела бы – давно зачитала бы. Будет же меня проверять, сколько сама захочет. Некоторые и неделями не говорили, что можно, а чего нельзя. А другие и вовсе меняли правила в зависимости от настроения.

Медленно поднимаюсь, продолжая посматривать на неё.

– Что это? – интересуется она, и я склоняю голову. Рубахи на мне нет, а брюки сползли, открыв верхушку надписи. Ощущаю, как жар стыда заливает щёки, стискиваю зубы. Сейчас прочтает, и решит продать. Ну и пусть, лучше уж на тяжёлые работы, чем удовлетворять этих ненасытных самок.

Тамалия

Ну наконец-то до него дошло, медленно, с опаской поднимается. Откормить, красивый парень будет. Только вот душа, похоже, окончательно раздавлена, вообще достоинства не осталось. Это же надо, ноги целовать вздумал. Извиниться бы, да если кто узнает... Перед рабами тут не извиняются, конец конспирации.

Мешковатые серые брюки без ремня слегка сползли, открыв выжженную чёрную надпись внизу живота.

– Что это? – не удерживаюсь, подхожу и протягиваю руку. Парень дёргается, заливается пунцовой краской. Не всё ещё потеряно, похоже. Ладно, не буду пока смущать, потом узнаю. Убираю руку. Но, видимо, он воспринимает мой вопрос как приказ и, отвернувшись в сторону, приспускает штаны.

– «Отвратительный любовник», – читаю. Да зачем же вслух, идиотка! Вот дура, куда тебе на задание, один такой удар по психике, и ты уже не знаешь, что делаешь! А Гентер тоже хорош, подsunул «для начала» планету! Ну да, я больше всех похожа на местных жителей, во мне где-то так в пятом колене кровь таринская течёт – столько проверок пришлось пройти, прежде чем признали «аристократкой», даже анализ на генетическое соответствие делали. Более опытные коллеги просто не смогли бы попасть внутрь стен. Но ведь от этого не легче!

– Кому это ты так не угодил? – спрашиваю.

– Что, разочарованы? – с вызовом. Да, ещё не всё потеряно. Улыбаюсь, но он воспринимает это по-своему. Кажется, дёргается снова упасть на колени, после, видимо, решает, что бесполезно и молчит, опять отвернувшись.

– Ты уж прости, но меня привлекают совершенно другие мужчины, – отвечаю. На его лице отражается смесь облегчения и уязвлённой гордости. Нет, поспешила я с выводами, и достоинство, и гордость – всё при нём, что ж, будем работать. Забили беднягу сильно, но не до конца. Я тебя вытащу на свет, настоящий Антер.

– Что ж, вот тебе правило, – сообщаю. – Что бы я ни сделала, что бы ты ни услышал и ни увидел, никогда и никому не говоришь этого. Ясно?

– Что вы, как я могу, госпожа?! – с ужасом восклицает, а глаза начинают метаться по комнате и останавливаются на столе с пультом.

– Не бойся, я не стану его включать, – пытаюсь успокоить. Кивает, ни на секунду не поверив. Захотелось вдруг обнять, пригладить волосы, прошептать, что всё будет хорошо. Вот немного потерпим, полгодика всего, и улетим отсюда. Но... вдруг его всё-таки подослали?

Хотя, документы вполне официальные. Я его хозяйка. Но кто знает, может, у них есть какой-нибудь универсальный пульт, или можно как-то взломать? Нет уж, не могу я рисковать, по крайней мере так сразу.

Поворачиваюсь к шкафу, достаю полотенце и герметичный мусорный пакет. Указываю на гостевую ванную, расположенную на первом этаже:

– Иди помойся, да хорошенько. Потом медкабина. Потом поговорим. Ванной, надеюсь, пользоваться умеешь? Ты же где-то здесь у хозяйки прежде жил?

– Умею.

Протягиваю полотенце и пакет:

– Брюки выкидываем, пока будешь мыться, новую одежду тебе закажу. Вопросы? Пожелания?

– Что вы, госпожа. Осматривать меня будете?

– А надо?

– Как пожелаете.

– Насмотрюсь ещё, иди уже в ванную.

Антер

Да уж, похоже, разочарована хозяйка. Даже штаны снять не предложила, а они все любят пощупать, пофыркать, а то и возбудить, чтобы оценить размеры. Не такой уж я грязный, чтобы противно было. Перед торгами всегда отмывают со всякими средствами.

– На вот, – протягивает одноразовую бритву, такой, к сожалению, вену не перережешь – специальная. – Гели, шампуни, пена для бритья – пожалуйста, пользуйся. Но чтобы ты мне был идеально вымыт.

– Да, госпожа.

А впрочем, какого демона? Всё равно наверняка продаст. А характеристику мою и так портить уже некуда.

Кажется, про время ничего не говорилось? Долго стою под душем, с наслаждением отмывая грязь, желая смыть этот позор, который словно въелся глубоко под кожу и немилосердно саднит где-то в душе

Что она там говорила о медкабине? Просто хочет проверить, чтобы я заразу какую не занёс, или собирается сначала поразвлечься? Пульт понажимать, кнут обновить... Чёрт, как не хочется выходить из-под тёплых струй туда, к ней...

Нахожусь в ванной, наверное, не меньше часа. Она ничего не сказала, но вдруг снова проверка? Впрочем, лишь на кнопку нажать, и тут же выскочу к её ногам, хоть в клочьях пены. Гадость-то какая... Но ведь выскочу же.

Впечатлившись этими мыслями, поскорее вытираюсь, оборачиваю полотенце вокруг бёдер и выхожу.

– Полегчало? – интересуется. Застываю, не зная, что ответить. Чего она ждёт?

Хозяйка подходит, протягивает халат – новый, мужской. Надеваю его, снимая полотенце. Надо же, так и не полезла рассматривать, видимо, надпись, оставленная злобной мстительной мразью Амирой, ей и без того всё сказала. И хорошо, как можно хотеть женщину, считающую тебя фаллоимитатором?

– Повесь полотенце в ванной, – добавляет, не дождавшись ответа. – Давай сразу закончим с неприятным, а после поговорим. Идём в медкабину.

Тамалия

Из небольшой двери специального отсека в кладовой под лестницей вытаскиваю медкабину. Разворачиваю горизонтально – она висит в воздухе на гравитаторах – и толкаю в гостиную.

– Простите, госпожа, – бедняга снова падает на колени, – что ж вы не позвали, чтобы я...

– Да ладно, не надорвусь, – пожимаю плечами. Позвала бы – воспринял как приказ, не позвала – воспринимает как проверку, которую не прошёл. И что вот с ним делать?

– Снимай халат и залезай, – произношу, не акцентируя внимания. Скидывает халат не вставая.

– Удобно? – интересуюсь.

– Очень, – буркает раб, поднимаясь. Надо же, без приказа.

Чего он там себе удумал?

– Продавать будете? – тут же отвечает на невысказанный вопрос.

– Пока не планирую, – успокаиваю. Впрочем, успокоила ли? Чёрт его знает. – Залезай.

Отворяю прозрачную крышку, и он безропотно укладывается на спину. Когда крышка затворяется и замок защёлкивается, медицинский чип начинает светить синим сквозь кожу на плече.

Вот идиотка, не дала разрешения сделать стекло непрозрачным. Просто не подумала, а ведь оно таким только изнутри делается.

Лежит закрыв глаза. Не удержавшись, провожу по нему взглядом. И впрямь, хорош, отбила бы руки за эту уродливую надпись. Нужно будет свести!

Боже, а как ему больно было, наверное...

Размышляя, наталкиваюсь на его взгляд, ощущаю неловкость. Да кто мне дал право рассматривать?! Антер не успевает спрятать ненависть, но я предпочитаю не замечать её. Пытаюсь показать руками, что стекло можно сделать непрозрачным. Он, конечно, ничего не понимает, в глазах ужас – решил, будто я что-то заметила. Ладно, выйдешь – поговорим.

Пока кабина сканирует и подлечивает, делаю распечатку с медчипа. Она занимает несколько страниц мелким шрифтом. Нифига ж себе!!!

Чего там только нет! Ощущаю, как непрошенные слёзы льются по щекам, наскоро вытираю. Не осталось, наверное, ни единой кости, которую бы не переломали, а сколько раз заживляли побои и синяки, настоящую – не при помощи пульта – порку, выбитые зубы... Откладываю бумаги, не в силах этого читать. Понятно, что ему проще свалиться на колени и демонстрировать покорность, чем снова и снова переживать это. Кто ж выдержит-то столько? Тут или умрёшь, или сойдёшь с ума, или попытаешься выживать как можешь...

Почти на каждой планете – попытка сбежать, поимка, избиения, издевательства. Глупенький, да ведь без специалиста чип из мозга не вытащить, даже если пульт от него уничтожить, а чипы наверняка маячком снабжены, чтобы отыскать беглого проще было. Да ты у меня герой, дура я, туда же – оскорблять, другие мужчины меня привлекают! Да они, те другие мужчины, на твоём месте давно уже сдались бы. Нет, дружок, я за тебя возьмусь. Не смогу изменить всё рабство, так хотя бы одного единственного раба...

Как было бы просто, если бы можно было с тобой поговорить! Ты бы не поверил, конечно, но начистоту – оно всегда легче, напрямую от души к душе. Ничего, прорвёмся.

Медкабина, пискнув, свидетельствует о завершении процесса и выдаёт голосовую резолюцию, что пациент в норме, но требует хорошего питания – авитаминоз и истощение. Кабина даже вколола ему что-то витаминное. И ладно.

Пока сканер выдаёт сообщения о результатах, а я складываю распечатки в папочку и в стол, крышка неслышно отворяется. Когда оборачиваюсь, Антер уже выбрался оттуда и стоит рядом на коленях, ожидая распоряжений.

– Простите, госпожа... – бормочет. Снова ждёт, что наказывать буду.

– Вставай, надевай халат, – как можно более спокойно произношу. Понимаю, что парень сам не знает, на каком свете очутился и как себя вести. Хотя эта покорность уже начинает раздражать. Впрочем, что он видел от других хозяев и что может ожидать от женщины здесь, на Тарине? Вздыхаю, заставляя себя успокоиться, он напрягается, стиснув зубы и ожидая явно издевательств, хоть не подходи.

– Вставать собираешься? – поднимаю брови. Антер тут же вскакивает и начинает натягивать халат, не попадая в рукава.

– Спокойнее, спокойнее, – говорю, направляюсь к пульта.

– Госпожа! – взывает бедняга, снова рухнув на колени, и ползёт ко мне. Халат висит на одной руке – на вторую он так и не успел его надеть – и тащится по полу следом. Да уж, жалкое зрелище, как же нужно довести нормального человека?

Кладу пульт на стол, боясь случайно задеть кнопку. Кто его знает, чего ещё удумает?

Парень снова хватается за мои ноги, целует колени. Его ощутимо бьёт дрожь:

– Пожалуйста, госпожа... я сделаю всё, что прикажете... не наказывайте, я просто ещё не знаю ваших правил, скажите, что от меня требуется, я буду исполнять...

– Встань, пожалуйста. Я не собиралась тебя наказывать, хотела убрать этот чёртов пульт от греха подальше.

Он затихает у моих ног, уткнувшись лбом в колени, почти ощутимо сотрясаемый нервной дрожью, но по внушительной длине медраспечатки я прекрасно понимаю, почему.

Вот чёрт, нужно было убрать этот пульт, пока он мылся. Но я сначала занималась одеждой, потом лихорадочно пыталась выяснить основные правила взаимоотношений между рабами и хозяевами в местной аристократической сети, и как-то забыла. Коза, для тебя ерунда, которую забыть раз плюнуть, а для него вся Вселенная к этому пульта сводится. Но может, и лучше, если сам увидит, что пульт в сейфе лежит. А то дёргался бы вообще от любого движения.

Правила, впрочем, сводятся к одному: хозяин – бог и ему всё можно, раб – вещь, не имеющая права голоса. Единственное, что должен обеспечить хозяин – чтобы его раб не причинял неудобства остальным вольным. В противном случае у хозяина могут потребовать ответ представители закона.

– Вставай, – тихо произношу, не удерживаюсь, провожу рукой по волосам. Он ощутимо вздрагивает:

– Простите, я забыл, что вас нельзя касаться, предыдущая хозяйка...

Замолкает. Ну да, не положено рассказывать о пожеланиях и прегрешениях предыдущих хозяев.

– Давай уже поговорим, – предлагаю, указываю на кресло. Поднимается, наконец-то надевает халат, подвязывает пояс и садится, куда было приказано.

– Не вскакивай, – предупреждаю. Кивает. – Сейчас я возьму пульт и уберу его. Не дёргайся.

Он снова кивает, сжав зубы так, что на скулах выступают бледные пятна. Ничего не говорю. Бесплезно пока.

Осторожно беру пульт, показываю ему – но он лишь сжимается, ожидая, видимо, что начну пробовать. Ох ты ж ёпрст! Наверное, эти скоты под названием «хозяева», получив новую

игрушку, не успокаиваются, пока не перенажимают на все кнопки. Тогда вполне понятна реакция бедняги.

– Смотри, беру, кладу в сейф, чтобы случайно никому чужому не попался.

Он, словно не веря, смотрит, как я убираю оружие изощрённой современной пытки, а заодно и папку с документами.

– Что, даже не попробуете? – недоверчиво буркает.

– А надо? – интересуюсь.

– Некоторым мало видеть человека на коленях или на брюхе, зато когда он выгибается в приступах боли – в самый раз. А если ещё заставить его поорать при этом... возбуждает.

Видимо, мне не удаётся удержать брезгливую гримасу:

– Не меня.

В его глазах мелькает удивление. Хоть немного осмелел. Прощупывает.

– Послушай, – сажусь в соседнее кресло. – Я могла бы отпустить тебя на волю, но ты не выживешь. Сам знаешь, у бывшего раба и без того дорог мало, а уж с твоим послушным... Да ещё и на Тарине...

Опускает голову, после буркает:

– Отпустили бы, это были бы мои проблемы.

– Пока тебя не поймали бы очередные работорговцы. Вашего брата отлавливают только так. Вас слишком легко сломать.

– А тебе-то что? – вскидывает голову, и куда только «госпожа» подевалась? Предпочитаю не заметить перемену в обращении, пусть разрядится, может, полегчает.

– А мне жаль, – отзываюсь. Снова пунцовые щеки, сжатые зубы. Дура, ну зачем, зачем добиваешь? Привыкла с равными общаться, которые всегда ответить могут? А этому, небось, жалость уже поперёк горла, особенно когда приходится специально унижаться, чтобы вызвать её, и как погано должно быть внутри...

– Поверил, уже, – бурчит. После вдруг вскидывает голову, в тёмных глазах снова ужас:

– Это проверка, да? Простите, госпожа... – дёргается было сползти с кресла, но я опережаю:

– Не вздумай! Сядь где сидишь.

Антер покорно опускает голову.

– Ничтожный раб смиренно просит прощения, – произносит. – Если госпожа скажет, в какой форме рабу лучше просить прощения, он это запомнит и будет делать именно так, как она повелит.

– «Извини» будет достаточно, – вздыхаю. – Если на самом деле виноват.

– Раб всегда виноват, – тут же соглашается. Удерживаюсь от еще одного вздоха.

– Давай так. Даю тебе полгода. Если докажешь мне, что способен стать вольным самостоятельным человеком, через полгода я тебя отпущу.

– Я не посмею, никогда, госпожа... – бормочет, а на лице сменяют друг друга надежда и отчаяние.

– А если останешься рабом – продам, – добавляю. Поднимает на меня несчастные глаза. Не верит. Ну и ладно, пусть пока не верит, а на досуге подумает про перспективы. Вдруг дойдёт.

Антер

Кажется, мне досталась самая жуткая садистка из всех, что были. Этой доставляет удовольствие пугать, она не оговаривает правил, она только заставляет спину покрываться липким противным потом. Вон как пульт в сейф спрятала, а ведь могла же и в стол, если такая добренькая. Но нет, оттуда его можно достать, а из сейфа... И вообще, пока я купался могла... Зачем мне показывать было? Интересно, она его подключила к мысленному управлению домом?

Что же это за загадка, чего она ждёт? Сколько раз Амира этой волей махала передо мною. «Подари мне лучшую ночь в моей жизни – и станешь вольным»... Угу, сейчас. «Фи, Антер,

ну что ты за мужик, не знаешь, как с женщинами обращаться? Нет, нужно потренироваться... Сейчас пройдем обучение на рабыне...»

Как можно чего-то хотеть, когда эта жирная старуха стоит и рассказывает, что нам с рабыней делать? Как вообще можно ощущать себя мужчиной! А потом «Гадёныш, как ты посмел войти в неё, я тебе разве разрешала измену?» – «Но вы же сказали...» – «Ах ещё и перечишь?! А знаешь, какое наказание за это бывает? А ты, дорогуша, будешь продана отряду наёмников на отсталой планете, за то, что посмела соблазнять моего личного раба!» – «Госпожа, простите её, она не виновата, моя вина, лучше мне двойное наказание дайте, только простите её...» – «Ах тебе мало, ну что ж, раз хочешь двойного наказания, не могу отказать! А ты, тварь, чем привлекла моего раба, что он за тебя готов себя подставить?! За моей спиной шашни крутите?!»

Вот идиот, разве не знал, что каждое моё слово будет всё равно истолковано превратно. Ловлю её жирные потные ноги, преодолевая отвращение и тошноту провожу по ним губами, языком, пытаюсь успокоить.

«Вы для меня всё, моя госпожа, мой свет, моя повелительница, приказывайте ничтожному рабу, он лишь хотел доставить вам удовольствие, боясь перечить повелениям...» – «Ещё одна такая выходка – останешься без своего мужского достоинства!». А рожа довольна, медленно шагает назад, чтобы я мог ползти за ней и продолжать целовать ноги, садится в кресло, улыбается, закрывает глаза. Несчастная девчонка робко приближается, не смея встать, присоединяется ко мне. Глаз приоткрывается, нога дергается, якобы «отстань, мерзкая» – но легко так, приглашающее, и девчонка, переждав, снова целует, и всё повторяется, а потом я получаю затрещину за то, что взглянул на рабыню и на секунду прервал занятие, переводя дыхание...

Тамалия

Антер о чём-то задумался – даже знать не хочу, о чём. На лице сменяют друг друга презрение, отвращение, ненависть, гадливость и много других эмоций того же спектра. Куда ж тебе, милый, с такой выразительной мимикой в рабы, да тебя же за километр прочитать можно!

– Что бы ты там ни вспоминал, это уже позади, – произношу, когда его передёргивает и рука непроизвольно вытирает губы. Он спохватывается, глаза снова вспыхивают ужасом, дергается было, замирает, пытаюсь понять, что же делать.

– Простите, госпожа, я...

– Прощаю, прощаю, – киваю, поднимаюсь, беру пакет с бельём и одеждой, который доставили, пока он три часа в душе отмокал.

Парень смотрит настороженно. Подаю:

– Это тебе, переоденешься. Идём, покажу где будешь спать. И... ты помочь хотел? Можешь медкабину на место убрать. Разберёшься?

Кивает. Да уж, не впервые пользуется.

– Можно спросить?

– Конечно.

– А что вы показывали... когда я лежал... я не совсем понял...

Ну правильно, решил, будто меня что-то не устроило в его внешнем виде.

– Что кабина только изнутри делается непрозрачной.

– Другие хозяева не разрешали...

– А я не только разрешаю, но и настаиваю. Если вдруг забуду в следующий раз сказать – чтобы помнил.

Он сжимается, и я не сразу понимаю, почему. Конечно, про «следующий раз» зря сказала, представляю, что тотчас же себе надумал. Неужели этот пульта и правда так действует?

Внезапно испытываю нездоровое желание проверить. Впрочем, мне хватило той демонстрации, которую устроил Корнель, передавая раба. Неужели все мы, люди, такие сволочи в душе, что едва к нам попадает в руки кто-то, над кем мы имеем неограниченную власть, тут же хочется проверить это в действии? Или то вина моих таринских генов?

Парень довольно ловко справляется с медкабиной, упаковав её в специальном отсеке в кладовой. Показываю ему комнату наверху.

– Переоденешься – жду на кухне.

Универсальный кухонный комбайн быстро выдаёт порцию по программе «строгая диета после голодания», потом мою – нормальную. Неприятно, конечно, что буду жевать вкуснятину, а его бульоном и жидкой овсянкой отпаивать, но сама голодная как чёрт, а диету в меня не запихнёшь. Просто объясню ему.

Он довольно быстро появляется, снова пытается опуститься на колени и застыть в ожидании.

– Садись, – киваю на соседнее сидение, успев прервать движение. Садится, настороженно глядя на меня.

– Ешь. Пока мало, уж извини, медкабина говорит, истощение у тебя, нельзя сразу наедаться после нескольких суток голода.

– Будто я раньше так не наедался, – бурчит.

– Желудок испортишь.

– Медкабина вылечит.

Чуть не ляпаю, что на её работу немало средств уходит: заряжать нужными препаратами, устанавливать специальные программы, оплачивать обязательные плановые осмотры специалистом, не говоря уж об энергии. Ему скажи, такого себе надумает...

– Уж потерпи, через пару дней будешь есть нормально.

– Простите, госпожа.

– Что, предыдущая хозяйка плохо кормила? – спрашиваю.

– Кормила, – отвечает.

– А что ж такой исхудавший?

– После барака, – пожимает плечами. Не совсем понимающе смотрю, поясняет:

– Две недели перед торгами раба держат в бараке. Готовят.

– Готовят? – не могу понять. – В смысле?

– При помощи пульта, – отвечает глухо. Замолкаю, так как до меня вдруг доходит.

Смотрю на него. Да уж, приготовили, ничего не скажешь.

– Устал? – интересуюсь, когда трапеза окончена.

– Что вы, госпожа.

– Робот, что ли? – усмехаюсь.

– Как пожелает госпожа.

– Ладно, иди уж спать. Тяжёлый день, выматывающий.

Смотрит с настороженностью, определённо ожидая гадости. Поднимаюсь, тяну за руку – парень чуть не вздрагивает, напрягается, вероятно, желая вырвать её из моей, затравленно пытается выяснить, заметила ли я. Ничего я не заметила, выпускаю едва поднялся. Киваю в сторону лестницы, чтобы следовал за мной.

Пакет с вещами сиротливо стоит возле стеночки.

– Вещи разложи в шкафу, – произношу. – И ложись. На кровати, – добавляю, подумав. А то с него станет свернуться где-нибудь в неудобном месте. – Это твоя комната, обустраивай, как нравится.

Показываю на панель возле двери, отвечающую за обстановку, цветовую гамму и прочие элементы интерьера. Кивает, надеюсь, знает, как этим пользоваться.

Антер

Лежу, прихожу в себя. Кровать, надо же. Не помню, когда последний раз на кровати спал. Да ещё такой удобной. Комната как комната, когда-то и у меня была своя... Не буду перенастраивать, мало ли, что хозяйке завтра взбредёт. Интересно, она действительно растерялась, не ожидала такого подарочка? Или у неё просто стиль такой? Почему одна живёт, приехала

откуда-то? Что там за история? «Отыгрывайся», сказал Корнель. Может, это она так отыгрывается?

Спать не могу, хотя и хочется. Слышу, как она ходит внизу, каждый раз с замиранием жду, что достанет пульт, покрываюсь липким потом, поворачиваюсь на живот, закусываю подушку. Хорошо бы, если бы она куда на другую планету поехала. Может, одна, потому что в разъездах? Ни разу не видел её, сопровождая Амиру. Может, удалось бы сбежать... Ненавижу Тарин.

А всё-таки... я вполне мог бы избавиться от неё. Неосторожно она убрала этот пульт. Правда, пришлось бы избавиться и от себя, потому что когда меня поймали бы, даже пребывание у Амиры показалось бы сказкой.

Несколько минут всерьёз обдумываю, готов ли на это. Но глупая дурацкая надежда продолжает крепнуть. А вдруг... нет, в то, что она меня отпустит, не поверю, конечно, но вдруг удастся сбежать...

Ненавижу эти весы.

А ещё... рядом с хозяином срабатывает нечто глубоко внутри, и просто не можешь заставить себя поднять руку. Страх, всё поглощающий страх, говорящий о том, что у хозяина столько различных способов причинить тебе боль. И если он не использует один – готовься, значит, у него в кармане припасён другой и он только и ждёт, когда ты расслабишься или оступись... Видимо, это что-то на уровне рефлексов и подсознания.

Помню, как я выхватил у одного из хозяев пульт. Руки вспыхнули болью, тут же покрылись волдырями, но я швырнул его, со всей силы надавил ногой... Босой, моментально опалившейся нестерпимо горячим прикосновением... В голове взрыв боли, будто все кнопки сразу подключили. И лицо хозяина. Боги, никогда не забуду. Не испуганное, нет. Предвкушающее. Тогда я впервые узнал о том, что управление чипом можно производить из общего коммуникатора. О том, что такое работать обожжёнными руками, на которых постоянно лопается кожа. Неделью ходить босиком на обожжённых ступнях и со спиной, на которой нет живого места. Ну да, я же вещь, правильно? Почему бы меня не подключить, как все приборы, к сети дома хозяина? Пульт сломан, а сигналы всё те же. И я извиваюсь на полу...

– Чтобы впредь неповадно было, раб. Вставай, чего разлётся? Думал, уничтожишь пульт, и свободен? Думал, хозяева такие остолопы, что у них нет никакой перестраховки от таких умников, как ты? Надеюсь, ты запомнил урок, раб?

В медкабину я попал через неделю. Последние дни просто вылетели из памяти. Видимо, был совсем на краю. Только непрекращающаяся, невыносимая боль в каждом нервном окончании и дрожь до одурения, ничего, кроме дрожащего вокруг мира и стука, и хруста зубов...

Очнулся в бараке в ожидании новых торгов. Господи, ничего не болело.

Раб запомнил урок.

Тамалия

Поздний вызов межпланетного коммуникатора...

Звонит Лерка! Неужели уже на подлёте? Моя связная. По нынешней версии – школьная подруга с Гиамы-2, Чара. Первая, «пристрелочная» встреча.

– Представляешь, проездом, решила с тобой повидаться, только не говори, что не можешь, когда получится в следующий раз... – тараторит Лерка. Отвечаю, вставляя в диалог кодовые фразы и передавая информацию. Чёрт, как же хочется обсудить с ней всё! Рассказать, посоветоваться!!

Подхожу к сейфу, спрятать сетевик (никогда не оставляю его на столе даже ненадолго), продолжаю тараторить, отворяю дверцу. Аккуратно перекладываю в сторону пульт.

Лерка ненадолго замолкает. Заполняя паузу, а заодно передавая информацию, произношу:

– Представляешь, господин Корнель мне раба подарил!

Лерка не позволяет себе и секундного замешательства, тут же подхватывает:

– Ух ты! Настоящего?! И что ты с ним делать будешь, Ямалита?

Чёрт! Чёрт, чёрт! Он же оформлен на несуществующее имя, я даже доказать не смогу, что он мой... Если всё сложится хорошо, можно будет перепродать себе же...

Продолжаю расписывать, какой замечательный господин Корнель, и как хорошо меня принял, и какой достался непутёвый раб, не слушается приказаний, совсем глупый, да ещё прежней хозяйке не угодил, она на нём так и написала – «отвратительный любовник». Лерка выискивает крупницы информации, а заодно хочу предупредить, что никуда его не дену, не избавлюсь, и в случае чего она должна будет позаботиться о том, кого я взяла под свою ответственность. Зная меня, внимательно следя, как складываю слова и фразы, каким тоном и с какими интонациями говорю, Лерка делает свои выводы – верю, что в большинстве верные.

Положив сетевик, почти машинально берусь за пульт, чуть не провожу пальцем возле сенсорных кнопок, но пугаюсь – вдруг случайно сработают. Начинаю с восторгом перечислять все замечательные функции устройства. Лерка молчит несколько секунд – в себя приходит. После подхватывает, начинает восторгаться. Ага, а не тошнит ли тебя там, девочка? Меня уже почти.

– В общем, как встретимся на подольше, обязательно дам тебе попользоваться, это так прикольно, он всё выполняет, что ни прикажи...

– Обязательно, мне уже хочется попользоваться! – откликается Лерка. О вывозе спрашивает, если расшифровать. Ну как мы его вывезем? Да и кто позволит? С начальством нужно согласовать... Впрочем, она это тоже осознаёт, так как добавляет:

– Но в этот раз у меня будет слишком мало времени, а с тобой всё-таки больше увидеться хочется.

– В этот раз я и не дам, сама не наигралась.

Ощувив тихий поток воздуха, мысленно чертыхаюсь, смотрю вниз. Антер уже сидит у ног, опустив голову, как ему удалось так бесшумно подойти? Горе ты моё, что ж ты себе надумал, а? Мы-то с Леркой не на таринском, а на общем языке говорим, выходит, знаешь и его. Ладно, в случае чего, легче объясняться будет.

– Прости, раб своевольничает, пойду разбираться, значит, завтра с утра в «Земной чашечке», – поскорее заканчиваю разговор и отключаюсь.

– Ты же остался отдыхать в комнате, – пытаюсь скрыть раздражение, обращаюсь к рабу. Нужно было запереть! Поднимает голову, смотрит глазами побитой собаки:

– Простите, госпожа, я случайно услышал и...

– Подслушивал?

– Что вы, госпожа, пожалуйста...

Обнаружив, что всё ещё держу пульт в руке, кладу его в сейф, захлопываю дверцу. На лице Антера отражается облегчение с некоторым недоумением, после – понимание. И что вот ему сказать?

Внезапно поднимается – с любопытством ожидаю – и отправляется к входной двери, на ручке которой так и остался висеть входящий в комплект кнут. Видимо, без кнута раб не в кайф, даром что имеется пульт от чипа в голове.

Подходит, опускается на колени, протягивает мне. Замечательно. От неожиданности беру, заодно и рассмотрю.

Пока с отвращением разглядываю шершавую, неприятную даже для лёгкого прикосновения поверхность, успевает повернуться спиной и задрать рубаху.

– И что дальше? – интересуюсь.

– Вы же всё равно будете разбираться. И я вас действительно подслушал, хоть и не нарочно. Лучше так, чем... – судя по судорожному рывку головы, метнул взгляд на сейф.

Антер

Услышав разговор, подхожу к двери, чуть приоткрываю. Накажут, наверняка, но вдруг получится хоть что-то выяснить.

Ага, раз мечтался, идиот. Разве мало тебя обнадёживали, чтобы потом ещё больнее носом ткнуть в то, кто ты теперь есть? Вольную подпишет, как же.

А господин Корнель у нас какой замечательный, оказывается! И раба какого занятого подарил... Тупого, правда, распоряжений не исполняет, повторять приходится, зато к нему такой пульт прилагается, со столькими функциями... Сейчас как нажмёт случайно, или не совсем случайно... Вон в руках крутит аж захлёбывается, как расписывает... Угу, и подружкам всем даст свою новую вещицу попользоваться, только вот сама наиграется...

Привычка ходить бесшумно выработалась у одного из хозяев, ненавидевших, когда его что-то тревожило или отвлекало от главного: творил он. Художества с девушками, у которых фигуры были гипертрофированы в некоторых местах. Столько рабынь-натурщиц перевёл, скотина. За неосторожный шорох мог избить до посинения. Правда, пульт не любил, редко пользовался. Зато рука какая тяжёлая была... и в медкабину не пускал, само заживало.

Похоже, она меня не заметила. Опускаюсь перед ней в позу покорности. Почувствовала. Я всё понял, не наказывай, буду послушным... Развлекайся сколько и как хочешь... по крайней мере, пока не увижу шанса сбежать.

– Прости, раб своевольничает, пойду разбираться, значит, завтра с утра в «Земной чашечке».

Чёрт, может, не нужно было выходить и показывать, что всё понял? Может, она надеялась ещё немного поиграться? Но не таилась же, открыто говорила.

– Ты же остался отдыхать в комнате, – сердито. Дурак, снова не то сделал. Поднимаю голову, взгляд как можно более покаянный:

– Простите, госпожа, я случайно услышал и...

– Подслушивал?

Ну всё, конец мне. Подслушивать хозяина – последнее дело.

– Что вы, госпожа, пожалуйста...

Не верит. Крутит пульт, раздумывая. Убирает, захлопывает сейф. И на том спасибо, уж лучше кнут. Надеюсь, у тебя не такая тяжёлая рука.

Поднимаюсь, беру кнут, подаю хозяйке как положено. Ишь ты, с любопытством разглядывает, в первый раз, что ли? Ага.

Отворачиваюсь, подставляя спину, а заодно, чтобы лица не видеть. У них у всех такое выражение лица становится... за одно это убил бы не задумываясь.

Амира заставляла раздеваться перед поркой, но только она. Остальным было достаточно задрать одежду или вообще плевать на неё. Так что не стану перед тобой снова оголяться! А в прочем, какая разница.

– И что дальше? – тянет, сучка, издевается.

– Вы же всё равно будете «разбираться». И я вас действительно подслушал, хоть и не нарочно. Лучше так, чем... – замолкаю, машинально пытаюсь глянуть на сейф, но останавливаю себя. Вдруг передумает. Тело прошибает озноб, по-моему, даже несколько капель пота собралось под волосами и покатилося по лбу. Они этого не любят, неприятно им... Промокнуть? Или пока не надо? Только бы не надумала продавать, ещё хоть пару дней. Хоть немного отдохнуть после барака перед торгами. Ведь там две недели перед продажей только и делают, что на кнопки нажимают. Чтобы не вздумали новых хозяев расстраивать, чтобы вели себя как можно более покорно. Раз в сутки еду приносят и иногда развлекаются тем, что не дают к ней подойти. Только руку протягиваешь – в голове боль взрывается.

Да и не такая уж она противная, вдруг вторая Амира попадётся, лучше уж эта. И вдруг получится сбежать...

Да что ж ты тянешь! Движение. Может, передумала, за пультом полезла? Не выдерживаю, оглядываюсь.

- Ну? – спрашивает выжидающе. – Говори.
- Что госпожа хочет услышать?
- Чего расселся здесь и спину свою демонстрируешь.
- Так чтобы вам удобнее было... Или мне другую позу занять? Вы только прикажите...
- Я тебе приказала занять позу на кровати.
- А я ослушался. Знаю. Наказывайте.

Молчит. Вот дурак, конечно, она только что одежду купила, не захочет портить. Тварь. Как сложно сказать о своих правилах.

Снимаю и откладываю в сторону рубаху.

- Дальше раздеваться? – спрашиваю. Как-то глухо выходит.
- Зачем? – сука.
- Чтобы одежду не испортить. Вы уж лучше сразу скажите, я буду впредь знать и... Ведь все по-разному любят.

- Хм. Давно с тобой этот кнут?
- Новый. Прошлый весь в хлам... предыдущая хозяйка извела.
- Не дорожишь им, значит?
- Издеваться изволите?
- Тогда вот что. Возьми его, пожалуйста, и засунь к своим штанам.

Я с ужасом взглянул на собственные штаны, размышляя о том важном органе, который вызвал неудовольствие предыдущей хозяйки. Это как же она хочет туда кнут засунуть? Что собирается делать?!

- К старым, – добавляет. Ах, вот оно что. Стараюсь не вздохнуть:
- Вам не нравится кнут? Позволено ли мне узнать, что будет взамен?
- А тебе непременно нужно что-то взамен?
- Ну... как же... так положено.
- Положено? – кажется, хмурится. – Ладно, тогда повременим выкидывать. Долго ждать, пока ты поднимешься?

- Вы не приказывали.
- Приказываю, – вздыхает. Поворачиваюсь к ней, на всякий случай не вставая, заглядываю в глаза:

- Вы меня не продадите?
- А ты не хочешь? – спрашивает. Отрицательно качаю головой:
- Вы лучшая хозяйка из всех, что у меня были.
- Каждой это говоришь? – голубые глаза лукаво усмеваются. Мотаю головой:
- Что вы... только вы...
- Угу, – хмыкает.
- Вы же ещё не наигрались, госпожа? – спрашиваю.
- Скажи вот, тебе приятно это говорить?
- Конечно, госпожа, мне приятно исполнять ваши пожелания и...
- Служить игрушкой, – добавляет. Судорожно киваю несколько раз. Ну что ты хочешь услышать? Что я, скажу тебе, как меня тошнит от всех вас? Или что всякий раз, когда думаю, что хуже уже некуда, следующий хозяин оказывается во сто крат отвратительнее предыдущего? И что дико, безумно боюсь перед каждой продажей, потому что не знаю, к какому очередному психу попаду?

– Конечно, я ваша игрушка, ваша собственность, госпожа, делайте что хотите со мной, ведь для этого меня вам и подарили, пользуйтесь...

- А ничего, что ты – человек?

- Я раб, госпожа, какой же я человек. Ваш раб.
- Хорошо, раб, и когда ты намерен исполнить моё пожелание?
- Что угодно, госпожа...
- Да я вот уже минут десять как попросила тебя встать.

Медленно поднимаюсь, ожидая. Она по-прежнему сжимает в руках кнут, а ну как любит бить спереди?

Тамалия

Наконец-то горе моё поднялось, опасно косясь на чёртов кнут. Я и забыла о нём, не то давно бы уже убрала с двери. В сейф, конечно, не влезет, много места занимает.

Ловлю себя на желании успокаивающе провести рукой по его вспотевшей груди. Надо же, раздеться, чтобы одежду не портить. Боже, неужели у кого-то и правда могут быть такие требования?!

Пока бедолагу инфаркт не хватил, осторожно сворачиваю кнут и кладу на верхнюю полку шкафа. Вдруг и правда пригодится, для конспирации. Рабовладелица недоделанная. На обратном пути наклоняюсь, поднимаю и бросаю ему рубашку. В глазах изумление, но поймал. Без вопросов начал надевать. Украдкой промокнул лоб. Да уж, взмокнешь тут.

– Сядь уже куда-нибудь, – произношу чуду, так и стоящему посреди комнаты. И что вот ему теперь сказать? Да и сама хороша, дура неосторожная, так увлеклась расшифровкой Леркиной информации и попытками передать свою, что прозевала, когда это любопытство ходячее из комнаты выбралось. Конечно, он не упустил бы случая подслушать, нужно же знать, к чему готовиться. Вот узнал, чёрт, чёрт!

С удовольствием оставила бы его дома, а к Лерке пошла бы сама. Но есть два «но». Во-первых, не могу всё-таки исключить, что его подослали, и что всё это игра, рассчитанная усыпить мою бдительность. Значит, нужно держать перед глазами, не давать возможности ни с кем пересечься. А во-вторых, статус. Необходимо поддерживать легенду, а здесь принято выхваляться своими рабами. Кто на поводках водит, раздевая в пух и прах, кто наоборот, раздетыми или в лохмотьях, на цепях и даже как-то видела бедолагу на четвереньках, все колени стёсаны. Как же мне тебя одеть? А что, в кожаных брюках и жилетке хорошо смотрелся бы, эротично, только вот боюсь, стошнит меня.

– Скоро подруга проездом будет, пойду на встречу, – поясняю, садясь в соседнее кресло. – Будешь меня сопровождать.

И как ему совместить необходимость быть рабом и слушаться, с необходимостью показать мне, что достоин свободы? Ладно, потом подумаю, а пока...

– Ведёшь себя с достоинством, ты меня понял? Слушаешься, но не лебезишь и в ноги не падаешь.

- Как прикажете, госпожа.
- Хорошо.
- Можно узнать?
- Можно.
- Как госпожа планирует... меня использовать?

Снова вздыхаю. Далось ему это использование. Хотя понятно, опять же. Хочет понять, к чему готовиться. Уж не знаю, что вычитал у меня на лице, вроде зверских рож не корчила, но спешит сообщить:

- Простите, хозяйка, я не смею спрашивать или торопить... просто...
- Ну? – подбадриваю.
- Ну... – щёки снова становятся пунцовыми, – предыдущая хозяйка иногда... когда... то есть...

Хочется остановить, чтобы прекратил мучиться, но действительно не понимаю, что имеет в виду, пока не выдаёт хрипло:

– Ну... мне приходилось пить специальную таблетку... если... Ну я же отвратительный любовник, – криво усмехается наконец. Бедняга мой, знала бы, о чём ты, не заставила бы тебя всё это проговаривать.

– Я же уже сказала, этого мне от тебя не нужно.

– Другие мужчины, я помню, – опускает голову.

– Хорошо, – стараюсь максимально не акцентироваться. – Это всё?

– Но я не понимаю, что тогда?

– Всё нормально, – машинально кладу руку сверху на его. Почти не вздрогнул, надо же. Я как-то привыкла к пользе тактильных ощущений, но, видимо, он ими сыт на несколько лет вперёд. На всякий случай убираю руку, добавляю: – Вот завтра сходим с подружкой встретимся, а там видно будет.

Ну а что ему сказать?

– Мне нужно, чтобы ты красиво оделся.

Снова паника в глазах, не знает, как угодить.

Раскрываю сетевик, вытаскиваю виртуальное окошко с огромным каталогом мужской одежды.

– Умеешь пользоваться?

Антер неуверенно кивает.

– Работал с компами и сетевиками? – на всякий случай уточняю.

– Давно...

– Ясно. Встань-ка, отставь руки в стороны, понемногу поворачивайся.

Пока исполняет распоряжение, медленно сканирую его. Сканер отбрасывает лишнюю одежду, сделав виртуальный манекен в виде Антера, который вытаскиваю и подаю вместе с каталогом.

– Садись как тебе удобно, берёшь себя, – приподнимаю изображение, – берёшь понравившиеся модели и примеряешь... касаешься пальцем, она наденется. Сейчас настрою. На стоимость не смотри, только чтобы сидело хорошо.

Настраиваю работу приложения, на всякий случай скрываю цены.

– Но там же уже целый кулёк...

– Ну то на первый случай, а мне нужно, чтобы завтра ты выглядел презентабельно. Не в смысле смокингов, а так, по-прогулочному, но красиво.

– Я не могу... Может, вы сами... что прикажете... – бормочет.

– Нет уж, покажи мне свой вкус, будь любезен. Выбирай только то, что нравится, ни на чьи другие вкусы не ориентируйся, в том числе на вкусы своих предыдущих господ. Ясно? И мой угадать не пытайся. Выберешь – позовёшь.

В глазах мелькает ужас, но Антер тут же опускает взгляд и приступает к делу. Вообще-то я имела в виду, что он к себе пойдёт, ну да ладно. Нужно приготовить документы Лерке.

Встаю, направляюсь к сейфу, тут же просекает:

– Госпожа Ямалита, что-нибудь не так?

– Всё так, не дёргайся, выбирай. Я не за пультом, по своим делам.

Вытаскиваю, что нужно, на всякий случай сажусь подальше от него, перебираю и заполняю безобидными на первый взгляд вещами. Шифровки. Уже потом, когда не будет видеть, уменьшу их и запихну... в помаду, что ли. Подарю Лерке помаду, скажу, цвет понравился, ей пойдёт.

Прежде всего необходимо передать параметры местной сети. Хорошо скрыта, наши всё никак не взломают. А тут столько интересного найти можно... Я даже официальный сайт Трёх Глав обнаружила. Хотя и сомневаюсь, что сами Главы в него заглядывают.

Ещё раз бросаю взгляд на Антера. Если бы на нём были «жучки», хоть что-то из моей техники оповестило бы. Но кто знает, вдруг нечто такое... Спросить, что ли? Да ладно, напугаю.

А мальчик-то, кажется, увлёкся... Вон с каким интересом виртуальные примерки устраивает, что-то откладывает в сторону, что-то убирает. Пусть развлекается.

Примерно через час зовёт.

А вкус-то неплохой у моего мальчика. Дорогие вещи выбрал, но качественные, сидят хорошо. Молодец я, что цены не оставила, не то наверняка побоялся бы, зная, сколько такое удовольствие стоит. А самое важное – без выпендрёжа, без претензии, не то, что дорвался и нагрёб, а действительно даже достоинство в выборе проглядывает.

– Нравится, – одобряю, – наши вкусы совпадают. Я бы с таким парнем даже на свидание с удовольствием сходила.

Улыбаюсь. Смотрит, ужас в глазах, понять пытается, о чём я. Да уж, с шутками своими дурачками будь поосторожнее, идиотка. Перепугала человека, снова сплошной комок нервов.

– Какие будут приказания, госпожа? – глухо.

– Не обращай внимания, это я так глупо шучу, – улыбаюсь, заказывая всё, что отложил.

Смотрит с изумлением:

– Я думал, вы что-то одно выберете...

– А потом снова сначала? Нет уж, раз тебе нравится, пусть будет. Мне приятно, знаешь ли, если рядом хорошо одетый мужчина, а не раб в уродливых брюках.

Судорожно кивает.

– Ну всё, – улыбаюсь, – спать давай. И это. Смотри мне завтра, чтобы не вздумал где на людях на колени валиться. Ясно?

– Как прикажете...

– Я серьёзно, – говорю, – уж держи себя в руках. Пульт брать не буду.

– Как не будете? – поражённо. – А если кто узнает?

Вот чёрт, и правда, мало ли что...

– Ну во всяком случае использовать точно не буду.

Понимание вместе с разочарованием. Вот ты ж. Не верит.

– Повтори, – произношу.

– Что? – не понимает, взгляд снова затравленный. Вздыхаю. Успокаиваюсь.

– Чтобы вёл себя с достоинством и на колени не валился. Мы всего лишь в кафе и обратно. Постоишь за моей спиной... – в этих дурных кафе для господ рабам даже сидеть не позволено. Чем дальше копаешь, тем гаже становится. Знала бы, выбрала бы такое, где для рабов специальные сидения отведены. Да сегодня так всё неожиданно свалилось, а встреча давно уже оговорена именно здесь.

– Понял, на колени не становиться, – повторяет несколько нервно.

– Молодец, – соглашаюсь. – А не справишься – ...

Вот чёрт, чуть не лягнула «накажу», в роль вжилась, коза. Обругав себя, после не удерживаюсь, добавляю:

– ... поцелую.

Вскидывает на меня глаза, пытаюсь понять; видит, что посмеиваюсь, кажется, расслабляется и даже улыбается.

Глава третья

Тамалия

На ночь на всякий случай заперла его, мало ли, что в голову взбредёт. Не удивилась бы, если бы придушил меня своим кнутом и в очередной раз попытался сбежать. Хотя вроде не дурак, должен понимать, что на Тарине это практически невозможно, а убийство женщины обойдётся ему дороже, чем смерть. Но всё равно, на всякий случай.

Мало ли, вдруг он уже на такой стадии, когда и себя заодно готов?.. Лишь бы прекратить весь этот ужас, в который превратилась жизнь.

Помучилась немного, вспоминая, нет ли там чего такого, из чего можно было бы оружие самоубийства сделать. Благодаря своему спецобучению придумала множество способов, накрутила себя до ручки, чуть не помчалась к нему останавливать. Еле успокоилась. Надеюсь, спит. Пусть отдохнёт. У нас трудный путь впереди. Надеюсь, ему не настолько плохо было, чтобы...

Да плохо ему было, идиотка. Ты же видела, насколько.

Но ведь всё равно выбрал жизнь. Хоть такую. Пусть отдыхает...

Антер

Первая ночь в этом доме. Лежу. Думаю. Вернее, пытаюсь. Казалось, не смогу заснуть, но вдруг наваливается такая усталость. Лежу в кровати. На чистой постели. Всего несколько раз за день пульт нажимали, и то не хозяйка.

Правда...

Стискиваю зубы, ощущаю прилив крови, что за идиотская особенность – чуть что, краснеть... И ведь не отучишься, непроизвольно выходит.

Хватит уже! Сколько можно мучиться из-за своего рабского положения? За столько лет мог бы привыкнуть, что на всех иных людей ты будешь смотреть теперь только снизу вверх. И на уродливых старух, и на симпатичных девушек с соломенными волосами.

Да и не известно ещё, кто под этой внешностью скрывается. Вдруг как выяснишь, что у неё на уме, снова жить не захочется? Все хозяева – скоты редкостные.

Но сегодня вместо ожидаемого вечера кошмаров, когда новый хозяин экспериментирует, рассматривает реакции и проверяет порог выносливости, вышел, можно сказать, и неплохой вечер. Неприятный и тяжёлый для моего самолюбия, но ведь без этой дикой боли. Переживу.

Нужно пока поспать. Вдруг завтра что изменится, какая-нибудь возможность представится?

Вдруг она меня своей подруге всё же отдаст, а та на другую планету улетит...

В грёзах о том, как вырываюсь на свободу, отключаюсь.

Тамалия

С утра подсказываю ни свет, ни заря, споласкиваюсь, нервы на пределе, бросаюсь к Антеру в комнату, заглядываю тихонечко. Спит. Лицо расслабленное, а я так боялась, что кошмары начнутся. Хотя они, наверное, ещё впереди.

Спи, мой хороший. Отдыхай.

Тихо-тихо прикрываю дверь – небось приучен подсказывать при перемене дыхания хозяина – оставляя замок открытым. Спускаюсь, запускаю комбайн, делаю лёгкую разминку. Снова споласкиваюсь. Ем.

Время к одиннадцати. Начинаю переживать. Не выдерживаю, опять тихонько заглядываю в комнату.

Надо же, уже поднялся! Оделся даже, в лёгкие спортивного вида брюки и футболку из моего пакета. Стоит у окна, рассматривает небольшой садик – окно спальни выходит не на дорогу – и соседские коттеджи со своими садиками дальше.

– Думала, ты спишь ещё, – улыбаюсь. Резко оглядывается, прямо в движении опускаясь в любимую позу покорности:

– Простите, госпожа... Вы не сказали, что мне делать с утра, и я... ждал, когда позовёте.

– М-ммм... идём поесть, и всё обсудим.

Кивает, посматривает настороженно.

– Вставай-вставай, – говорю. Поднимается. Проходим в кухню-столовую. Усаживаю на сидение. Смотрит, как я достаю из комбайна его тарелку.

– Госпожа... может я сам... – с некоторым смущением.

– Да я уже, – улыбаюсь. – Завтракай.

Сажусь рядом, смотрю, как он ест не слишком вкусную, но полезную порцию, не позволяя себе кривиться или выражать неудовольствие.

– Как спал? – спрашиваю.

– Спасибо, госпожа, давно так не спал...

Надеюсь, искренне.

– Так вот, – продолжаю. – Ты, наверное, понимаешь, почему я тебя закрываю на ночь.

– Как вам будет угодно, госпожа.

– Я хочу, чтобы ты понимал.

Смотрит.

– Я понимаю, – вроде бы осознанно.

– Хорошо. С утра, как только просыпаюсь, сразу же открываю твою комнату, тебе вовсе не обязательно сидеть в ней. Можешь идти есть, умеешь пользоваться комбайном?

Кивает.

– В общем, занимайся, чем нравится, если только мне не нужно куда-нибудь идти.

– Я всегда буду сопровождать вас?

– Пока да.

Антер

Пытаюсь систематизировать правила. Кажется, она не может понять, для чего я ей и что со мной делать. Или наоборот, слишком хорошо понимает всё, включая моё состояние, и получает удовольствие, умалчивая и недоговаривая.

Никогда не ел с Амирой на кухне. Либо со всеми рабами, либо ей взбрело устроить какой-нибудь «романтический обед». Кажется, меня сейчас снова начнёт тошнить. Поскорее выгоняю старуху из своих мыслей. Надеюсь, никогда больше её не увижу!

Сидеть вместе на кухне, это так... по-домашнему. Но не расслабляюсь. Господа ничего не делают без причины, а госпожи здесь, на Тарине, и подавно. Жду момента, чтобы чего-нибудь не упустить.

– Скоро идти, – говорит. – Оденься, пожалуйста, во что-то из того, что мы вчера приобрели.

– Вы забыли приобрести ошейник, – напоминаю. – Или пояс.

– Это обязательно? – хмурится.

– Ну... все надевают.

– Если не обязательно, обойдёмся.

– Что именно надеть? – уточняю.

– Мы же уже выяснили: вкусы у нас совпадают. Оденься так, чтобы себе нравиться.

– Повинуюсь, моя госпожа, – склоняю голову. Хмурится не слишком довольный. Что я такое сказал? Спешу уйти переодеваться.

Тамалия

Судя по тому, что я видела, без пульта раба выводить нельзя. Логично, конечно: слишком много проблем, если вдруг решит сбежать или напасть на кого. У хозяина всегда пульт под рукой должен быть.

Кладу в сумочку.

– Вы недавно на Тарине? – вдруг подаёт голос Антер.

– Так заметно? – смеюсь.

– Или меня проверяете?

– В чём?

– Нельзя носить пульт в сумке, только на поясе. Иначе вас оштрафуют. В особенности учитывая, что у вас неэлитный раб самой низкой категории.

– Не знала, – говорю. Нужно будет правила внимательно прочитать... – Спасибо, что сказал.

– Угу, потом бы я всё равно виноват был, что не сказал.

– Думаешь, я наказала бы тебя за свой недосмотр? – хмурюсь.

– У хозяев не бывает недосмотров, – отвечает. – Всегда виноваты рабы.

Очень удобная позиция, ничего не скажешь!

– Послушай... – закусив губу. – Я не буду тебя наказывать. Обещаю. Я не могу идти поперёк правил, но...

Криво усмехается:

– Если не можете, значит, должны даже самого покорного раба наказывать не реже, чем раз в месяц. А неэлитного раз в неделю.

Боже, неужели это правда?! Ну да, и Свелла что-то такое говорила...

– Госпожа... – тихо. Вопросительно смотрю. – Я буду самым покорным. Пожалуйста, назначьте заранее день... если можно... просто, когда готовишься...

– Я не буду тебя наказывать, – повторяю, ощущая подступающие слёзы.

– Воля ваша, – мрачно. – Без подготовки рабу сложнее, но хозяину всегда приятнее. Не смею настаивать.

Молчу. Ненавижу рабство. Развалю чёртов Тарин по камешку.

Антер

Почему-то идём пешком. Несу в руках кнут: в последний момент вручила. Не представляю, чего ожидать от «быстрой прогулки в кафе и обратно».

По-моему, я впервые рассмотрел хозяйку. До этого она казалась белёсым отвратительным пятном, таким же гадким, как и все до неё. Сегодня жарко, она надела всё светлое – плотные шорты, свободную блузу, туфли на шпильках. Соломенного цвета локоны забраны в хвост. Я вдруг осознал, что она молода и красива. Или у неё очень хороший косметолог. Впрочем, наверное, я осознал это еще вчера вечером... Конечно, к такой нельзя прикасаться без разрешения. Нужно как-то перестроиться после Амиры.

Иногда мне казалось, если бы Амира была молодой и красивой, возможно, и я смог бы... как-то перебороть своё отвращение. Хотя, если бы она вытворяла всё то же самое, то едва ли мне было бы дело до того, как она выглядит.

Сейчас же... вдруг ощущаю неприятное першение в горле, демон, кажется, снова покраснел. Как же тошно осознавать, что я всего лишь раб у неё в услужении.

– Что отстаёшь? – оборачивается.

– Так положено идти чуть позади, – отвечаю. Кивает. Потом уточняет:

– Это обязательно? Или просто...

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Все хозяева всегда на поводке водили.

– Иди-ка рядом со мной. Если что, я недавно приехала, мне не страшно не знать правил. А то как-то я себя некомфортно чувствую, когда ты на грани видимости мелькаешь.

Прибавляю шаг, иду вровень с ней. Странное ощущение. Без поводка и не позади. Прямо как человек. Усмехаюсь горько. Не мечтай, а то больно ударишься, выпадая обратно в реальность.

– Послушай, – говорит. – В этом кафе нет специальных сидений для рабов. Ты можешь или встать за моей спиной, или... сесть у ног.

– Как прикажете? – интересуюсь. У ног, конечно, ей будет приятнее, но нужно же спросить.

– Антер, как хочешь. Хочешь – стой, устанешь – садись. Не могу, к сожалению, другого выбора предложить.

– Постою, – кажется, звучит, словно бурчу недовольно. Только бы не заметила...

Похоже, не заметила. Молчит. Ничего не добавляет. Ну и ладно, если передумает – надеюсь, сообщит. Сама же просила на колени не становиться. Необъяснимое пожелание. Последние шесть лет изо дня в день в меня кнутом и пультом вбивали, какую позу должен занимать раб в присутствии хозяина, а эту что-то не устраивает. Понять бы ещё, что.

Кафе недалеко, правда, приходится выйти за пределы внутренней ограды, до которой отсюда, оказывается, полчаса ходьбы. Выход автоматический, хозяйка прикладывает ладонь, у меня лишь рабский чип считывают и какую-то распечатку ей выдают. И почти сразу за оградой – кафе. «Земная чашечка», вывеска в виде солнечной системы, вместо солнца чайник, а вокруг чашки на блюдах. Ещё и крутятся. Дизайнеры-оригиналы. Лучше бы для рабов скамью поставили, всё-таки за стеной уже, сюда и с других миров попасть могут. А впрочем, не совсем, там где-то через километр вторая стена ограды имеется, наружная. Похоже, подружка не таринианка, и доступ в аристократические кварталы ей запрещён.

А здесь, между стенами, жилья практически нет: магазины, рестораны, увеселительные заведения, офисы, клиники – всё то, что не доросло до статуса «аристократического», но усиленно пытается хоть как-то к нему приблизиться.

– Чара! – кричит Ямалита, бросаясь на шею девице того же возраста и почти того же роста, только черноволосой и черноглазой, со смуглой кожей, покрытой несколькими слоями загара.

– Литка! Сколько лет! Как же я рада тебя видеть! Ну как ты?! Это, что ли, раб твой?

– Ага, хорош, правда?

– А чего у него кнут в руках?

– Ну не в сумочке же мне кнут носить, – показывает свой макси-кошелёк на ремешке. – Вдруг мне его наказать захочется? Тут все так ходят, – смеётся.

– Очень удобно, – скалится подружка, – сам кнут носит, сам подаёт когда надо... может, ещё и сам себя наказывает?

– Надо будет попробовать, – хохочет госпожа, закусывая губу, чтобы не передёрнуться. Самого себя избивать мне ещё никто не приказывал. – Но вообще у меня есть пульт от него, идём в кафе, обо всём поговорим!

Никогда я, наверное, не привыкну. Казалось бы, за столько лет уже можно успокоиться и забить. Но нет, почему так мерзко и противно, когда симпатичные девушки обсуждают тебя словно вещь? Возможно, потому, что если они начнут развлекаться, то мне прямо здесь, на улице, в кафе и где они захотят, придётся исполнять всё, что взбредёт в дурные головки, и о чём бы я ни мечтал – другого пути просто нет. Может, надо было в первый же день прекратить всё это, а не рассчитывать на очередной шанс сбежать?

Когда она за пульт схватилась, снова прошиб озноб, думал, сейчас показуху устроит. Вроде пронесло. Вроде даже не ждёт, чтобы я прямо тут демонстрировал подружке свою покорность и исполнительность.

Заходим, становлюсь за креслом хозяйки, они что-то заказывают, надо же, она просит принести мне стакан воды. Официантка кривится, но приносит. Спасибо, жаркий сегодня день. Похоже, я один тут раб. Ну да, нас за ограду выводить не любят.

Слушаю глупый бабский трёп, пытаюсь определить свою дальнейшую судьбу. Готовлюсь к тому, что рано или поздно заговорят про меня, и придётся повиноваться. Вспоминаю, как

Амира взяла меня на какое-то выступление заезжих музыкантов с Копернии. И я весь концерт пролежал в её ложе, носом в ковровую дорожку, потому что ей нужно было куда-то ноги поставить. Разозлил я её перед этим, помнится.

Ненавижу выходить из дома.

Тамалия

– Решила тебе помаду подарить, прости, больше ничего не успела, если бы ты заранее предупредила... Цвет классный, тебе подойдёт!

– Литка, прекрати, ничего мне не надо! Прикинь, я тебе тоже помаду привезла...

– Та же фирма?! – разглядываю.

– Ну я же знаю, какую ты предпочитаешь, – смеётся. – Вот ещё... смотри... Твои любимые конфютели, здесь таких нет?

Повизгиваю от восторга, пусть кто усомнится, что две подружки встретились. Хватаю её за руку, сжимаю, что-то бормочу.

Есть у нас в конторе система передачи информации, по примеру древней азбуки Морзе. Сжимаю её руку специальным шифром: «Помоги ему!»

Лерка бросает мимолётный взгляд на Антера, отвечая мне – «Да».

Продолжаю расспрашивать о «знакомых», о том, где она сейчас, чем занимается, рассказываю о своей местной жизни. Кажется, немного успокаиваюсь. Лерка поможет, поищет пути, попытается уговорить начальство, возможно, нам даже удастся вывезти Антера с Тарина.

Боги, как быстро встреча прошла! И как хочется поговорить с подругой подольше. Лерка, какая тут гадость, тут жить невозможно, мне воздуха не хватает, не могу видеть этих издевательств... Лерка понимает, стискивает руку: «Я с тобой».

Спасибо, подружка.

– Прости, зай, пора мне уже, скоро корабль...

– Приезжай ко мне! Хоть на несколько дней, хоть на недельку, я устрою разрешение, только ты заранее сообщи! Я так скучаю!

– Обязательно! Слушай, ты тут сиди, не высовывайся, последнего же ещё не поймали.

Мрачнею: согласно легенде, я тут, кроме всего прочего, скрываюсь от обидчиков. Киваю, мол, да, я отсюда никуда, а ты приезжай!

– Постараюсь отпуск выбить, – обещает, – тоже хочу с тобой поболтать подольше, эх, сели бы на кухне, да с винчиком, помнишь, как бывало? Ну выглядишь ты классно, Литка, молодец, надеюсь, оправилась?

– Всё нормально, – улыбаюсь, – тут для девушек климат благоприятный, носятся с нами как с хрустальными вазами, мужчину чуть ли не за косой взгляд засудить можно!

– Классно вам тут! Обязательно постараюсь приехать! Ну, пора мне, дорогая.

Нужно Лерку отпустить раньше, выходить одновременно правилами запрещено. Хотя с удовольствием проводила бы её хотя бы до стены! Но за Леркой дублёр следит, я так и не вычислила, кто из посетителей, впрочем, и не старалась специально, не нужно мне этого знать. Вроде бы никто меня здесь ни в чём подозревать не должен, но мало ли...

– Я заплачу, Чар, беги.

– Ну что ты!

– Не, ты у меня в гостях, счёт за мной! Залетай!

– Ладно, – соглашается, – в следующий раз я угощаю!

Поднимаемся, чмокаемся, она идёт к выходу, я возвращаюсь на место, вставляю карточку в приёмное гнездо, расположенное прямо на столе, подтверждаю сумму, дожидаясь сигнала про оплату. Встаю.

Антер

Не могу поверить, что так легко отделался, они даже почти и не говорили обо мне, всё своих знакомых обсуждали. Интересно, с чего это госпоже на Тарине сидеть необходимо? Ну да

не моего ума дело. Каждая мышца на взводе от ожидания, что же мне предстоит, какой приказ будет отдан, то ли сделать что-нибудь из серии «смотри, какой у меня послушный раб», то ли наоборот – стоять, не смея перечить, на какое-нибудь предложение вроде «хочешь рассмотреть, ты же там у себя и рабов, наверное, не видела? С ним что пожелаешь можно делать, пока я не прикажу, даже пикнуть не посмеет...»

Но нет. Странно. Встали, попрощались, Чара повернулась и ушла, моя счёт оплачивает. Почти вздыхаю с облегчением, разве только мысль об избиении самого себя кнутом до сих пор неприятно холодит позвоночник. И тут с ужасом замечаю эту тушу – оплывшее дряблое тело, которому уже не помогают никакие косметологические процедуры. Амира... Привычная дрожь проходит по организму. Теперь у меня другая хозяйка, говорю себе. Правда, с разрешения Ямалиты Амира сможет... да что угодно. А такая и спрашивать не станет, девочки всегда друг друга поймут, как говаривала она своим рабыням. И почему у таких сук вечно море денег?!

Тамалия

Толстая тётка неопределённого возраста, но именно тётка, пуская слюни пялится на моего... чёрт, на Антера. Это заразно, что ли? Считать другого человека собственностью. Постоянно приходится себя останавливать. Впрочем, парней я часто тоже «своими» считала. Большинство из них почитали это посягательством на свободу и благополучно сваливали. Ну и к чёрту, зачем мне непостоянные?

Так, что-то мысли не о том, вот, смотри, какой постоянный завёлся. Не свалит, пока не отпустишь, в письменном виде. Но как-то не радуется...

А тётка... с её деньгами (судя по наряду и камешкам), и такую внешность иметь, это ж сколько уже нужно было косметических процедур пройти, чтобы тело не выдерживало? Сейчас и в сто лет можно моложе выглядеть. Старая развратница! И обжора, да. Жирная.

Только тут замечаю, как напрягся Антер, стиснув побелевшими пальцами кнут.

Тётка с приторной улыбкой устремляется к нам. За ней на золотом поводке идёт смуглый высокий атлет – повыше Антера, да в плечах пошире, напомнивший мне племенного быка. Лицо непроницаемо, глаза масляные, профессиональный раб.

Тьфу, дура, нельзя так думать, откуда ты знаешь, что скрывается за этой маской, какая изломанная судьба? Ох, будь моя воля...

– Здравствуй, дорогая, меня Амира зовут, – протягивает тётка руку, приходится со счастливой улыбкой пожать и представиться. – Извини, что я так по-свойски, просто увидела у тебя своего бывшего раба, хорошенький, правда? Как тебе, продавать не собираешься? А то что-то соскучилась я...

Антер

Предательская дрожь в коленях едва не сваливает меня на пол. Рефлекс, что ли? Какое счастье, что никогда больше не прикоснусь к этим свинячьим ногам. Расправляю плечи.

– ... увидела у тебя своего бывшего раба, хорошенький, правда? Как тебе, продавать не собираешься? А то что-то соскучилась я...

Никогда больше? Нет, нет, к кому угодно, только не к ней!

Побеждаю паническое желание с мольбой взглянуть на Ямалиту. Похоже, ей и правда нужно, чтобы я вёл себя с достоинством, не представляю, для чего. Но почувствовать себя почти человеком... всё же невыразимо приятно. И больно, до ужаса, до тянущей по всей нервной системе раздражающей рези. Мне строго-настрого запретили вставать на колени, повторили с десятков раз, заставили меня повторить – что бы ни случилось, не смей. Но если решит продать обратно Амуре... Лучше пульт, чем обратно, не верится, что так думаю... Откуда она здесь?!

– Нет, – холодно откликается хозяйка. – Он мне самой нравится.

– Понимаю, да у меня получше завёлся, – бывшая дёргает цепочку. Кнат с обычной долей презрения посматривает, да пошёл он! Поначалу от меня Амира тоже не требовала всего того, что понадобилось потом. Постепенно, как ей казалось, «ломала», обижаясь, наказывая, иногда заставляя самому искать пути получения прощения, иногда подсказывая, иногда демонстрируя на примере других рабов. И тебя это ждёт. Долго ли ломать, всего несколько кнопок, и ты сломан... Остальное – обман.

– Рада за вас, – а сколько холода в словах, надо же, не ожидал. Думал, сейчас начнут обсуждать меня.

– А ты видела моё послание, правда же, оно справедливое? – Амира шагает ко мне, протянув руку, ощущаю, как жар приливает к щекам. Бросаю взгляд на Ямалиту, та стоит, глядя на Амиру... И что тут сделать достойного?

Бывшая хозяйка наскоро касается пальцем замка, дёргает брюки, захватив и бельё, опускает их ниже, чем нужно для демонстрации надписи. Задирает рубаху. По-моему, прокусываю губу, ощущаю солёный привкус на языке. Кажется, в дверях мелькает Чара, бросает взгляд на происходящее и предпочитает удалиться.

Унижения в общественных местах самые тяжёлые. Когда тебя никто, кроме хозяина, не видит, можно хоть попытаться смириться. Да какое там смириться! Но когда на тебя смотрят десятки любопытных глаз... смеются, обсуждают... Ты осознаёшь, что даже если когда-нибудь окажешься на свободе, этого уже не смыть.

Тамалия

Честно, я просто не ожидала, что она посмеет так по-хозяйски обойтись с моей собственностью! Раб, конечно, он раб и есть, даже чужой, тем более твой бывший, но всё-таки! Я просто на несколько секунд остолбенела. Бедный мой Антер, нужно же было встретить эту суку!

– Как он мило краснеет, – произносит она, потрепав его по щеке.

– Как ты посмела коснуться моего раба! – с ледяной яростью отвечаю, надвигаюсь на неё – кажется, несколько пугается, отступает. На секунду одолевает желание раздеть её красавчика, но останавливаю себя. Бесправный раб не виноват в том, что вытворяет его хозяйка. Нет уж.

Хватаю с ближайшего стола какое-то жидкое блюдо и выплёскиваю на неё. Надеюсь, горячее.

Она вивизжит, стряхивает с лица куски еды, на шикарном платье расходятся пятна, одна грудь вдруг проседает – видимо, бюстгальтер лопнул, не удержав такое.

– Ты мне ответишь! – верещит толстуха.

– Все свидетели, что ты сделала с моим рабом! Если сейчас же не уберёшься отсюда, подам жалобу!

Чёрт, ну и засветилась, агент Там... Интересно, Леркин дублёр свалил, или ещё тут? Чёрт, чёрт! Но меня уже не остановить, яростно разворачиваюсь к Антеру:

– А ты почему без штанов стоишь?! Почему позволяешь посторонним прикасаться к себе?!

– Но что я... – начинает было, наскоро застёгиваясь. Чёртов раб, без приказа даже не оденется! Может, я ошиблась и человека из него уже не получится?

– Я же сказала, вести себя с достоинством! – шиплю, приблизившись.

– Простите, госпожа...

Чёрт, уже снова на коленях, протягивает мне кнут, какой услужливый, чёрт тебя дери! Все мои увещания псу под хвост! Огреть бы тебя разок... впрочем, не поможет. Так просто не вывести его из этого состояния, и мои приказы – просто другие приказы такой же хозяйки, и согласно стереотипам... Чёрт!

– Поднимись, я с тобой дома разберусь, – проговариваю, работая уже на публику. Кто-то разочарованно отворачивается – ну конечно, замечательное представление, думали, тут вам

сейчас кровавое зрелище развернётся? Кто-то понимающе ухмыляется. Кажется, кто-то даже посочувствовал несчастному рабу. Ну хоть кто-то, боги, посочувствовал...

Амира яростно стряхивает с себя салфеткой остатки пищи и, похоже, уже успела поставить на место обвисшую грудь. Жаль, мы с Антером пропустили. Или у неё лиф механический?

– Ты мне за это заплатишь... – цедит. – Это платье дороже твоего чёртова раба!

Ах, так? Ярость поднимается удушающей волной, застит глаза. Оборачиваюсь к насто-роженно посматривающему на нас стражу порядка:

– Имеет ли свободный человек право что-либо делать с рабом другого свободного чело-века без его разрешения?

– Нет, конечно, госпожа, это же как воровство.

– И что за это положено? – спрашиваю, хотя Амира уже замолкает. Дошло. Все эти дряни свободные и достаточно богатые, чтобы купить раба, на стороне друг друга, совершенно вольно чужих рабов обижают. Ожидала, что я посмеюсь, может, ещё и по рядам его проведу, чтобы всем виднее было? Но ты у меня сейчас получишь. Даже знаю, что для тебя ужаснее всего!

– Если подадите иск и будет суд, ну свидетели есть... как минимум компенсация мораль-ного ущерба. В тюрьму вряд ли посадят, хотя если будете настаивать... Тут ситуация однознач-ная. Возможно, даже несколько месяцев дадут, если вы настаивать будете, – сообщает страж, и мне вдруг кажется, что Амира ему тоже неприятна. Повезло, однако. Не думаю, что её действи-тельно кто-нибудь в тюрьму засадит, но даже ничтожная вероятность кажется ей ужасающей.

– Прости, – Амира вдруг начинает лебезить, видимо, осознавая, что её ждёт. – Давай я тебе сразу штраф заплачу.

– Не нужен мне твой штраф, – отвечаю мстительно. Все зрители – мои, любопытно. Антер смотрит с ужасом и тоской, ничего, сейчас ты у меня поймёшь...

– А что нужно? – спрашивает Амира.

– Исполнишь здесь сейчас то, что я скажу – все свидетели, отпущу и судиться не стану. Но то, что ты сделала – прямое оскорбление мне.

Она кивает – сама поняла уже.

– Исполню, дорогая, чего ты хочешь? – фальшиво стелет.

– Хочу, чтобы ты извинилась перед моим рабом!

Амира прямо отшатывается:

– Ты совсем ненормальная? С ума сошла?

– Как хочешь, – пожимаю плечами.

– Постой, – останавливает. Буркает в сторону Антера: – Извини. Довольна?

– Нет, не довольна. Нормально извинись, скажи, «Антер, извини меня за всё, что я сде-лала, пожалуйста, я была не права!» – решаю не переигрывать, хотя соблазн опустить её на колени почти непреодолим. Но тогда меня точно не поймут. Впрочем, кажется, моему милому и обычное «извини» уже в голову ударило, стоит ни жив ни мёртв, поверить не может. – Да дождись ответа!

Похоже, зрители разделились на два лагеря: одни возмущены отношением свободной к свободной, вторые откровенно получают удовольствие. Подумаешь, унижить раба – дело не хитрое, а тут такой цирк бесплатный.

– Антер, извини меня за всё, что я сделала, пожалуйста, я была не права, – повторяет, негромко, но всё же. Киваю, смотрю на него поддерживающе. Глаза мечутся, понимаю, род-ной, как тут простить? Едва уловимо качаю головой: не хочешь – не прощай! Расслабляется, улыбается:

– Никогда, – говорит. Амира вспыхивает, призывает свидетелей к тому, как рабы наглеют, но я не позволяю развить тему:

– Ты исполнила пожелание. Я не буду подавать в суд. Впредь не смей никогда подходить к моему рабу! Все свидетели, ещё раз себя не удержишь – заставлю извиняться на коленях! Он теперь МОЙ!

Её перекашивает, но, конечно, не верит, вокруг хихикают, почти все довольны, некоторые возмущены, но не сильно, это ведь прикольно, у людей, похоже, вообще уже сдвиг пошёл, по всем параметрам.

– Ох, попадешься ты мне, – сквозь стиснутые зубы Антеру. Делаю зверскую рожу:

– Уж я постараюсь, чтобы не попался.

– Тогда тебе придётся до скончания дней держать его у себя! – рычит. – Если решишь продать – ничего не пожалею, чтобы заполучить!

Кажется, Антер уже жалеет о своём поступке. Твердо смотрю на него, не вздумай пугаться и идти на попятную! Только попробуй усомниться в правильности поведения! Только попробуй на колени бухнуться!

Расправляет плечи. Молодец. Радость моя.

– Он очень хорошо ноги целует, – наконец, выдаёт эта тварь, злобно зыркнув на моего раба. – Долго, нежно, просто сидишь и несколько часов расслабляешься, советую попробовать. Единственное, на что он способен. Пошли, – это уже своему несчастному, – тебе ещё учиться и учиться.

Я как представила бедного Антера, в течение нескольких часов обтирающего свои колени об пол, а губы об эту тварь, захотелось вдруг сделать для него что угодно... Чёрт, если бы я точно знала, что могу ему доверять, сразу же рассказала бы правду! Ну или хотя бы часть её. Существенную часть.

– Идём, – киваю ему, не удостоив извращенку ответом. Она ещё что-то бормочет вслед, но не слушаю.

– Знаешь... – задумчиво проговариваю всё ещё пылающему Антеру, когда выходим на улицу. – Она видела в тебе личность, которую так и не сломала и которой очень хочется отомстить.

– Госпожа! – чуть не взывает он. – У раба нет никакой личности.

– Заткнись, – устало вздыхаю. Ну почему бы не промолчать, хотя бы из благодарности? Это же ужас, что с людьми страх делает.

До дома идёт понурившись. Где гордо разведенные плечи, ещё несколько минут назад так радовавшие меня?

Антер

Теперь уж точно конец. Как ни глянь, а я везде облажался. С удовольствием оттолкнул бы Амиру, да кто ж знал, что моя вступится за меня? Поднять руку на вольную без разрешения хозяйки – преступление. А какой хозяин захочет брать на себя ответственность? С нами и не такое вытворяют.

А что на колени опустился... А как иначе в такой ситуации? Вроде и правильно всё сделал, а выходит, послушался приказа. Ну да не привыкать, у этих господ постоянно приказы один другому противоречат. Даже странно, что она так и не воспользовалась кнутом, у любого из предыдущих хозяев на мне уже живого места не было бы.

И снова это жуткое «я с тобой разберусь»... Как же дома быть? Кошусь на пульт. Другие чуть что – сразу хватаются, а эта за всю прогулку так и не притронулась.

Боги... а это извинение Амиры... Да я хоть неделю на коленях на перце красном простою, ради такого-то. Как представлю, каково этой твари было, губы сами в улыбку складываются.

По-моему, даже хочу, чтобы Амира ещё раз не удержалась. Моя-то госпожа вон какая, стальная, оказывается. Сдержит слово.

Размечтался, дурак. Думай, как теперь расплачиваться будешь.

Тамалия

И что вот с ним делать? Как разъяснить? Похоже, никак. Нужно, чтобы до самого дошло, и наказаниями здесь ничего не добиться. Все наказывали. Просто не поймёт, за что и почему. Потому что раб, а у хозяйки блажь. Надеюсь, хоть дома не начнёт падать ниц и молить? Да уж, не надейся... Ладно, рано или поздно я заставлю тебя поверить, что тебе теперь можно быть собой. Хотя бы со мной наедине.

– Нужно будет свести эту дрянь, – произношу, заходя в дом. Тоска в глазах...

– Дорого, мало где сводят, – отвечает.

– Ничего, найдём, – уверяю, проходя в гостиную. Кладу сумочку на стол, сверху аккуратно пульт. Горе моё застывает у двери, сняв ботинки.

– Ну, – спрашиваю, оборачиваясь, – долго там стоять собираешься?

Смотрит в глаза, взгляд затравленный. Ох, боюсь, долго. Хочется сказать, чтобы к себе шёл, да с другой стороны – пусть учится сам решения принимать. Знает же все мои пожелания, сколько раз за два дня озвучить успела.

Принимает, идиот. Подходит, не выпуская из рук кнута, медленно опускается на колени, протягивая мне. Судорожный взгляд на пульт.

– Наказывайте дурака, госпожа.

– Думаешь, поумнеет? – не удерживаюсь, усмехаюсь.

– Буду стараться изо всех сил!

– Тебя просили не становиться на колени.

– Но я же провинился.

– Ни при каких обстоятельствах, что бы ни произошло.

– Но все же видели.

М-да, задачка. Выходит, если бы не встал, меня ещё сильнее засветил бы. Что раб у меня непослушный, хозяйку не признаёт. Которая за него со свободной ругается. Неизвестно ещё, какое эта свободная место занимает в здешней иерархии. Выходит, наградить тебя нужно, а не наказать, дорогой.

Мягко забираю кнут, зажимается, сжимает кулаки, не движется.

Ага! Вспомнила! Шутка, но придётся кстати.

Наклоняюсь, легко прикасаюсь губами ко лбу. Сойдёт для первого поцелуя.

С недоумением открывает глаза. Боги, озарение! Улыбка!

– Молодец, – смеюсь. – А теперь займись-ка чем полезным.

Падаю в кресло, отбрасывая кнут, скидываю надоевшие туфли. Дууура! Забыла, что тебе Амира сказала? А этот помнит, вон, полезное надумал. Приближается и давай демонстрировать то единственное, что у него хорошо получается.

– Антер, – произношу тихо, чтобы не зарычать. Ну вот как так можно, что нужно с психикой сделать?

Что? Распечаточка в столе лежит...

Поднимает глаза, не отрывая губ от моих ног.

– Что ты делаешь?

– Единственное, на что способен, – мрачно отвечает.

– А меня ты спросил?

Ужас в глазах.

– Простите, госпожа, я думал...

– Что я непременно захочу воспользоваться советом этой дряни, на которую вывернула... что это было? Не важно. Иначе просто жить не смогу. Так ты думал?

– Но... вы сказали... заняться полезным... потом сняли туфли...

– Да у меня ноги устали на этих шпильках шкандыбать!

– Давайте я...

– Боже, оставь мои ноги в покое!

– Вам неприятно? Простите, забыл, что к вам нельзя без разрешения прикасаться. Впредь постараюсь помнить.

– Как бы так тебе объяснить... если бы ты был моим любимым человеком, которому захотелось бы доставить мне удовольствие, по собственному желанию, возможно, мне и было бы приятно. Я, знаешь ли, тоже человек, тоже люблю наслаждения, да и секс мне не чужд. Но мысли о том, что эта дрянь елозила тебя по полу и заставляла... – замолкаю, не в состоянии подобрать слов.

– Так что мне делать? – глаза совсем несчастные, похоже, первую половину речи просто-напросто упустил. – Вам не нравятся использованные рабы? Вы меня продадите?

– Я что только что сказала, повтори?

– Ну что вам противно при мысли, что до вас я так же прислуживал Амире, но ведь... Боже, дай мне терпения. Когда я такое говорила?

– Ты не виноват в том, что вытворяла с тобой Амира. Ты находился в полном и абсолютном подчинении. Я не могу тебя в этом обвинять. Всё в прошлом, постарайся забыть. Знаю, что легче сказать, чем сделать, но всё же... Попробуй прислушаться к *моим* пожеланиям.

– Я по-прежнему не понимаю ваших пожеланий... – тихо, с надрывом.

Молчу, раздумывая, как ему пояснить. Или не пояснять – вот немного поживём, сам увидит и поймёт, а разговоры бесполезны. Откуда ему знать, чего от новой хозяйки ждать? Похоже, что бы я ни пыталась сделать, это пока воспринимается лишь как издевательство.

– Просто знай, что я не стану тебя наказывать, – говорю. Мрачнеет:

– Самого себя наказывать заставите?

Сердце буквально замирает... Да уж, агент Там, он-то не знает о том, что вы вынуждены играть соответствующую роль. Чего ещё ему ждать от вас, с вашими-то разговорчиками на людях?! Чёрт!

Так, а это что у нас? Наклоняюсь:

– Что это у тебя такое, покажи?

Слегка отодвигаю распухшую нижнюю губу.

– Ничего, – ведёт головой.

– Что случилось?

– Случайно.

– Что – случайно?

– Укусил.

– Случайно так не кусают... – начинаю и замолкаю, вдруг осознавая, когда это «случайно» произошло. – Подожди.

Встаю, достаю походного медика, сажусь обратно.

– Открой рот, это быстро.

Безропотно открывает, свечу пару минут, рана быстро затягивается, сканер выдает отчёт о благополучном завершении операции. Откладываю на стол, чуть не попадаю на пульт, пугаюсь, смотрю на Антера. Зрачки огромные, тоже смотрит на стол, но, кажется, пронесло. Да не может же этот пульт просто так от любого прикосновения срабатывать! Всё равно нужно будет убрать... Боже, какая жуткая мерзость.

Кладу сканер рядом, от греха подальше. Поворачиваюсь:

– Нормально?

Кивает. А губы как красиво очерчены, прямо самой поцеловать захотелось. Но не буду пугать, ему сейчас любая ласка в наказание, наверное.

– Ну? – спрашиваю. Смотрит вопросительно. – Что дальше?

– Не понимаю, госпожа.

– Если я тебе не прикажу подняться, долго будешь так стоять?

– Пока не прикажете... – непонимающе.

– Но ведь раньше я сказала, что не хочу, чтобы ты стоял на коленях. Как быть с дилеммой?
– Не заставляйте меня решать, госпожа... просто скажите, что сделать.
– Но как же я смогу отпустить тебя на свободу, если ты не научишься принимать решения?

Опускает голову, и, кажется, снова закусывает губу. Вот прокуси еще разок.

– Что молчишь?

– Что госпожа изволит услышать?

– Ответ!

– Госпожа изволит издеваться, раб терпит.

Вздыхаю.

– Вставай, – говорю. – Иди отдыхай.

Слушается. Бесшумно поднимается и уходит. Сижу какое-то время. Всё тихо.

Достаю сетевик. Так, что у нас тут с косметологами? М-ммм... чёрт.

Поднимаюсь к нему, стучу – пусть привыкает.

Стоит у окна, на садик наш крохотный смотрит, птичка моя в клетке... Поворачивается.

– Госпожа? – удивлённо, мол, что это вы стучите к собственному рабу.

– Цивилизованные люди предупреждают о своём приходе, – говорю. Кивает, делает движение навстречу, качаю головой, останавливая:

– Я на секунду, – добавляю, – извини, вопрос неприятный. Ты знаешь, как эта дрянь называется, которой твоя надпись сделана?

Меняется с лица.

– Хочу найти, где её свести можно, – поясняю.

– Черрадий, – сообщает.

– Спасибо, – отвечаю.

– Госпожа... – останавливает. Смотрю. – Можно с вами? – нерешительно.

– Пошли, – соглашаюсь, – вместе поищем. Это ж твой интерес.

– Спасибо, – шепчет. Идёт за мной, заставляю сесть на диван, усаживаюсь рядом, забираю из сетевого поисковое окошко, раскрываю перед нами. Поддерживаем с двух сторон, ищем.

Очень долго на запрос ничего не приходит – поисковик выдаёт характеристики вещества (ничего хорошего! Опасный элемент, пока не сплавить с ещё какими-то материалами, к тому же, нельзя, чтобы на кожу попадал – ожоги оставляет). Кошусь на Антера, сидит, стискивает зубы, стараюсь не проявлять жалость.

Такого понятия, как татуировка с черрадием, не находим. Находим ожоги. Виват! Находим клинику, где их лечат, а заодно и мелкая приписочка – мол, выводим рабам. Залезаю туда, чёрт, они что тут, все этим занимаются?!

Оказывается, сложность процесса зависит от того, каким методом наносилось. Вещество опасное, даже если просто вырезать и нарастить новые ткани – нужны специальные антитоксины, редко где встречающиеся. В обычные медкабины такие не заправляют.

– Антер, – зову тихо. – Как тебе делали?

Смотрю на него. Молчит.

– Тут нет такого, – говорит.

– Понимаю, что тебе неприятно, – мягко, – но мне нужно знать, что искать...

– Может, я сам поищу? – едва слышно.

– Антер, – терпеливо. – Даже если ты сам найдёшь, мне тебя туда устраивать. Скрыть и так, и так не получится.

Стискивает зубы. Смотрит в сторону, произносит глухо:

– Сначала прорезала, потом прижигала порошок с помощью какой-то дряни, похожей на паяльник.

– По живому?! – не выдерживаю.

– Под наркозом, – хмыкает мрачно.
Боже мой, боже мой... Кусаю губы, стараюсь не показывать эмоций. Солнце моё.
– Названия инструмента не знаешь? – спрашиваю, сдерживаясь, чтобы голос не дрожал.
– Приобрести хотите? – мрачно.
– Чтобы поиск сузить.
– Не знаю, – отвечает. – Зайдите на сайт развлечений с рабами, может, сразу с инструкцией найдётся.

Беру за руку.

– Антер, – говорю. – Ты же сам хотел поучаствовать.

– Простите, госпожа, – пресно. Да что ж ты обо мне думаешь, радость моя?!

– Антер, – повторяю. – Я действительно хочу её свести.

– И для этого вам нужны подробности? – не выдерживает. – Может, рассказать в деталях?

Как стоял, или, точнее, висел, закрепленный за руки-ноги, на какой минуте кричать начал, когда сознание потерял? Сколько крови натекло? Вам это удовольствие доставляет? Как Амире выжигать?

– Боже... она что, сама?..

– Вы бы видели её лицо...

Кажется, начинает дрожать. Отпускаю виртуальное окно, хватаю руку уже двумя:

– Тихо, – шепчу, – тихо, не надо.

Вдыхает резко. Останавливается, прикрыв глаза.

– Простите, госпожа.

– Давай я сама дальше поищу... – предлагаю.

– Приказываете уйти?

– Как хочешь, – говорю. – Можешь оставаться.

Остаётся. Ищем долго. Находим две клиники. Потом сверюсь со своей базой, когда горе моё видеть не будет.

– Когда поедет? – спрашивает. С такой надеждой, как же он её ненавидит!

– Сначала попробую навести справки, что за компании, какое качество, какие побочные...

– Да хоть какие!

– Не переживай. Обещаю. Всё уберём.

Кивает. Ненавижу Амиру.

Антер

А я-то размечтался, что чуть ли не завтра повезёт меня удалять эту гадость. Теперь сомневаюсь – повезёт ли вообще? Или это был способ выяснить, что и как Амира делала? А смысл? Приказала бы – я бы всё равно рассказал.

Промолчала о том, придётся ли мне самому себя наказывать. Просто жутко становится, как представляю, что прикажет нечто подобное.

Спать вроде рано, но от меня ничего не требуют. Сажу в комнату, размышляю о том, сходить ли к комбайну или дожидаться, когда хозяйка сама покормит. Вроде бы разрешила пользоваться. Но... как-то не по себе. Подожду лучше.

Выглядываю на лестницу. Кажется, она в гостиной – мне отсюда не видно, но там свет горит. Вдруг слышу... Ох, кто бы мог подумать, что она умеет так ругаться! Это не таринский язык, какой-то из древних. Русский что ли. Уже не помню, но смутно понимаю, ничего ж себе! Что стряслось?

После некоторых колебаний спускаюсь, сидит перед виртуальным окошком, рука возле рта – то ли тербит нервно губу, то ли ноготь грызёт, спрашиваю тихо:

– Что-нибудь случилось, госпожа?

– А? – смотрит. Кажется, слегка смущается. – Плохо, Антер. Я тут проверяла, кому эти салоны принадлежат. Один Корнелю, и мы туда не полезем. Если он узнает, что я первым делом тебе надпись свела, не отстанет.

– И что? – не понимаю, хотя смутно признаю: она права. Тот мужик с цепким взглядом, что купил меня и подарил ей, очень заинтересуется. А вдруг у него есть власть отменить свою дарственную? Вот демон...

– Садись, – похлопывает по дивану рядом с собой, несмело подхожу, но любопытство сильнее – сажусь. – Понимаешь... Корнель тут очень важная шишка. А отпускать на волю рабов не принято. Поэтому лучше в поле его зрения не мелькать, иначе потом можем получить хорошие проблемы на голову.

– Да что он, за всеми операциями следит? – пытаюсь протестовать.

– Антер, ведь он тебя мне сам подарил. И я у них тут человек новый, я ж пару недель, как приехала. Тоже на виду. Вдруг он там указания оставил, если я тебя приведу – сразу же ему сообщить?

– Да что ему за дело до меня? – бормочу.

– Не знаю. Не так сразу. Ты у меня второй день, понимаешь? Нужно переждать, пусть всё успокоится, пусть о тебе забудут... Тогда обязательно поедем и сведём. Пожалуйста, поверь мне, я очень хочу её убрать, но не у Корнеля в салоне.

– Хорошо, – соглашаюсь, – а второй? Их же два?

Опускает глаза, закусывает губу, поворачивает ко мне окно. Кажется, я повторяю то, что недавно заставило меня спуститься с лестницы. Даже забываю извиниться перед хозяйкой.

Вторым салоном владеет Амира.

Туда я не пойду, даже если меня нажатиями на кнопки пульта гнать будут.

– Ты, наверное, голодный, – вдруг сообщает Ямалита, складывая виртуальное окно обратно в сетевик и убирая сетевик в сейф.

Неопределённо веду плечами.

– Запусти комбайн? Твоя программа так и называется «Антер», он тебе выдаст то, что уже можно. А то я объелась в кафе, как-то не подумала, что ты у меня ничего не ел.

– Конечно, госпожа, – поднимаюсь.

– И вообще, мог бы и сам пойти и поесть! Я ж тебе сказала, не стесняйся.

– Хорошо, госпожа.

Настроение ужасное. Может, она знала, что всё именно этим окончится?!

Тамалия

Вечером снова долго не могу заснуть. Насыщенный день, Антер в соседней комнате... Продолжаю запирать, понимая, что так к свободе не приучить. Но выхода пока не вижу. Мне придётся играть свою роль, а ему мотаться между хозяйкой, которая обещает не наказывать, и хозяйкой, которая ничем не отличается от всех остальных.

Так, для начала нужно убрать из обихода слова «приказываю» и «наказание». Свободные люди их не используют, общаясь между собой. Будем работать с подсознанием. А сложно это, оказывается! Никогда бы не подумала. Но ведь нельзя *приказывать* вольно мыслить. Здесь противоречие уже внутри фразы.

Когда он отправляется спать, я наконец-то закрываюсь у себя в спальне и читаю то, что передала Лерка в помаде.

Задание состоит всего из одного слова – Мантиро. Если не ошибаюсь, это посол, точнее, «посолша» Тарина в Земном Альянсе. Представительница. То есть мне нужно максимально разузнать о её положении в местной структуре. Займусь. Хотя бы намекнули, почему они ею вдруг заинтересовались, что стало известно.

Вспоминаю подробности вступления Тарина в Альянс. Кажется, тогда первый и единственный раз три Главы побывали за пределами родной планеты, для подписания документов. Все предварительные договорённости и последующие соглашения заключала Мантиро.

Политики вели целые баталии в студиях и на пресс-конференциях о допустимости существования в наше время рабства, о правомерности наведения порядка на Тарине силовыми методами, о необходимости объединить человеческие планеты после того, как оказалось, что люди в космосе не одиноки и далеко не все космические цивилизации настроены к ним дружелюбно. Пели красивые речи для зрителей, отдалённых от Тарина на сотни парсеков, кормили их рекламными баснями о самобытности планеты и о том, что в нынешние цивилизованные времена рабы – совсем не то, что в древности, а просто особая категория людей, которые не могут жить самостоятельно в силу сложившегося уклада. С элитными, может, так и есть, а как быть с бывшими свободными?

Верхушка Альянса якобы разрабатывает долгосрочную программу по приведению Тарина к галактическим нормам, но кто их знает, не получают ли они свою долю прибыли с такой замечательной площадки для легализации рабов?

У нас в конторе имеется распечатка таринской конституции, предоставленной в Альянс. Там очень много говорится о правах свободных граждан, а вот что касается рабов – затрагивается лишь поверхностно, со ссылкой на внутреннее законодательство Тарина.

Наверное, в эту внутреннюю часть и входит всё, что связано с категориями рабов, их статусом и специальностями.

Дальше Лерка передала то, что известно о подписании вольных. А ведь всё началось со статистики освобождений, именно ею и заинтересовался наш отдел... Всего несколько вольных, подписанных в представительствах Тарина по Галактике, поштучно пересчитать можно – не больше сотни, и ни один из освобождённых рабов не прожил дольше года. Около половины снова странным, но законным образом в рабстве очутились, с остальными что-то произошло. Кто в катастрофу попал, у кого несчастный случай, кто сам на себя руки наложил.

Как обстоят дела с освобождением тут, мы тогда не знали. Похоже – никак, тут рабов просто не освобождают.

Лерка сообщала, что это процесс непростой, раб должен пройти кучу каких-то проверок, не говоря уже о том, что тщательно перекапывается полная хронология его пребывания у всех хозяев.

Вольные официальным рабам подписывают исключительно в галактических представительствах Тарина, и, как я теперь понимаю, там же изымают чип и заменяют медчип. Потому что подобного рода распечатка наверняка хоть кого-нибудь заинтересовала бы, как и обнаруженный в мозгу подозрительный предмет.

Раскрываю захваченную из сейфа жуткую папочку, заставляю себя прочитать историю своего раба. Медраспечатку перекладываю дрожащими руками – едва ли я когда-нибудь смогу заглянуть в неё вновь.

История до отвращения банальна. Нормальный парень из нормальной семьи, в шестнадцать лет родители погибли в какой-то катастрофе, а он угодил в приют, до совершеннолетия. На два года всего. Стрессы, драки, нервы... представляю...

А потом, не успев оттуда выйти – глупость, ведь никто юридическую сторону не разъясняет, подписал подвернувшийся контракт, идиот мой милый, родители же даже деньги оставили, лучше бы дело попытался какое открыть, лучше бы прогорел, а так... Как обычно: думал, ненадолго, заработает и свалит, а там какой-то хитрый пункт был, по которому он сам не заметил, как в рабстве очутился, после мимолётного посещения Тарина.

Зарплату, мол, фирма может выплачивать нормальную только гражданину Тарина, поэтому необходимо принять гражданство. Наверняка же клялись, что в любой момент разрешается передумать и вернуться обратно. А о рабстве на Тарине он мог и вовсе не подозревать.

Если заманить обманом ничего не подозревающего человека добровольно стать гражданином Тарина, то на него автоматически распространяется и внутреннее законодательство. Тут уже дело юристов, каким образом и по какой причине гражданин Тарина переходит в статус раба. Лазеек миллион, не одна, так другая сработает. Главное, чтобы никто ничего до поры до времени не узнал.

А раб – существо бесправное, у него нет доступа даже к наследству родителей... Хм, ну это я Лерке передам, может, что придумают с нашими юристами. Если, конечно, это наследство ещё никто к рукам не прибрал. А если вообще контракт возможно оспорить? Впрочем, сам подписывал – сам виноват, ни один суд не поможет. Совершеннолетний же уже был.

Кстати, нужно будет передать нашим и название, пусть займется компанией. Ходят там, мальчиков неопытных, выпускников детских домов, собирают... Сколько их как мой Антер вляпались, и помочь некому? Да и девочек, наверное, не меньше.

Закусив губу, ощущаю, что, кажется, начинаю ненавидеть всё сволочное человечество. Стараюсь успокоиться, возвращаюсь к бумагам. Копирую документы Антера, чтобы были под рукой, эх, появись Лерка хоть на день позже, я бы всё уже ей отдала!

Сначала – работал в охране, пока не получил какую-то серьёзную травму. Доктор, ведший пациента, по-тихому выкупил его для своей фармацевтической компании, чтобы препараты испытывать. То-то в медраспечатке имелись и язвы, и опухоли, и отравления, и множество иных побочных эффектов...

Потом была какая-то очередная конвенция о запрете опытов на людях, и от всех рабов быстренько избавились. Ну это я так понимаю, читая между строк. Потом – бои без правил, работы на астероидах по добыче различных ископаемых, побеги, возвращения, продажи, перепродажи... Амира... И так вот уже больше шести лет. Господи, что ж у тебя от психики осталось, милый?

Открываю экономические выкладки. Я как-то привыкла у нас на Амадеусе к солидным корпорациям и упору на техническое оснащение всего, что возможно. А выходит, среднему или мелкому производителю с отсталой планеты дешевле купить пару сотен рабов, дать необходимый минимум снаряжения и навыков и кормить спец-пайками, чем дорогую, требующую постоянного серьёзного ухода автоматизированную установку.

Боже, с послужным списком Антера рассчитывать на вольную... Да ещё и Ямалита – фикция, несуществующая личность.

Как же быть, если я проважусь, потяну и его за собой, нужно какое-то завещание нашим оставить, что ли. Не то правда Амуре достанется. Только вот какое? Если не смогут добиться вольной, хотя бы определить его туда, где ему было бы нормально? А где?

Не выдержав, поднимаюсь, тихо отворяю дверь в его комнату. Стучать не стала – вдруг спит. Он лежит на спине, показалось, в темноте сверкнули глаза, но приглядевшись, не понимаю, так ли это. В окно заглядывают сразу две местные луны, давая немного света. Чуть колеблюсь на пороге. Кажется, из всех сил притворяется спящим. Уйти, что ли?

Не могу, мягко подхожу к кровати, сажусь, провожу рукой по щеке. Ты такой красивый, милый, был бы свободным – девки передрались бы. Ничего, я сделаю тебя свободным, прежде всего твою душу и самоосознание...

Вздыхает, открывает глаза.

– Не спишь? – спрашиваю.

– Что прикажет госпожа?

– Извини, не хотела тревожить. Просто думала...

Настороженный взгляд, чего это, дескать, госпожа извиняться решила, что она себе надумала?

– Мне хочется поговорить с тобой. Нормально. По-человечески.

– Что мне сделать, госпожа? – надо же, садится в кровати без приказа, даже на спинку облокачивается.

– Скажи... а было место, где тебе жилось нормально, хотя бы относительно? Я имею в виду, когда ты уже попал в рабство.

– Госпожа хочет меня продать?

– Я не хочу тебя продавать, но может случиться так, что... что не смогу о тебе позаботиться, и тогда... Мне нужно знать, куда тебя устроить.

Боже, зачем я полезла к нему с этим разговором сейчас! То, что волнует тебя, для него очередная попытка и неизвестность! Не умею я с травмированными детьми общаться, чёрт!

Антер

Внутри всё захолонуло. Она это специально. Продаст. Амуре. Лучше умереть. Пытаюсь не показать своего ужаса:

– В охране нормально было, не наказывали по пустякам, кормили хорошо, не заставляли... – запинаясь и с вызовом выдаю: – ...ничего. Но продавая врачам, поставили резолюцию «не пригоден». Иначе было нельзя. Теперь мне туда возврата нет.

– Но медкабина...

– Кого волнует медкабина, когда стоит резолюция.

Тамалия

Ну да, логично. Ладно, подумаю, что можно сделать.

– Когда? – глухо спрашивает.

– Что – когда? – не понимаю.

– Продавать меня когда будешь.

Хм, сейчас, видимо, услышу всю правду о себе. Может, тем лучше, пусть выговорится?

– Не знаю, не от меня зависит, к сожалению.

– Говори... – почти рычит.

Нарывы, говорят, нужно вскрывать? Ох, не пожалеть бы потом... Но прежде, чем строить что-то новое, нужно вычистить всю грязь.

– Вполне возможно, что скоро.

– Сколько у меня дней?

– Какая разница, если ты всё равно не собираешься вести себя как тебе сказано?

Говорю, ожидая. Сорвётся ли на мольбы или наоборот, решит, что ну их нафиг, раз всё равно бесполезно.

– А зачем? Ты передумал?

– Возможно.

Столько ненависти в глазах, столько отвращения... прямо не по себе, судорожно вспоминаю: он видел, куда положила кнут, а сейф пока ещё откроешь...

Какой к чёрту сейф, о чём ты?!

Чёрт, наверняка ж решит, что я с Амирой сговорила. Ёпрст, не подумала о ней, а он же наверняка первым делом...

– Все вы похотливые извращённые суки, – выдыхает. – Доставляет удовольствие издеваться, ну давай, издевайся, чего уж. Я же сразу видел, что как раб тебя не привлекаю и ни для чего не гожусь, но зачем, зачем же... – вдруг закусывает губу и, кажется, всхлипывает. – Ведь я же помню, что такое свобода, тому, кто всегда был рабом, это слово мало что говорит... А надо мной приятно издеваться, конечно! Да, дрянь?

Повинуясь порыву, подаюсь вперёд и обнимаю его. Он какое-то время сдерживается, лишь тяжело дыша, после утыкается в моё плечо, разрыдавшись.

– Вот так, милый, – шепчу, – давай, пусть выходит грязь и зараза, нужно освободить место. Выговорись...

Антер

Не дождёшься... Вам нельзя говорить ничего, иначе не успеешь оглянуться, а вы уже спешите воспользоваться. Да, в меня много лет вбивали необходимость подчиняться, но мне по-прежнему не безразлично, что со мной делают! Да, знаю, если не исполню хоть малейший хозяйский каприз, меня ждут часы изматывающей боли, во время которой я буду молиться, чтобы наконец-то сдохнуть, чтобы хозяин подержал палец на кнопке чуть дольше, чем я в состоянии выдержать. Видишь, какое мне крепкое тело досталось, сколько его ни калечили – после медкабины как новое, начинай сначала! Да, в очередной раз вылезая из медкабины я готов на что угодно, лишь бы больше не попасть в неё, понимаю, что это невозможно, что хозяину всегда есть за что наказать, а и ни за что, просто для своего удовольствия – тоже никто не запретит! Но каждый раз думаю, а вдруг хоть немного оттяну эту участь, вдруг не сегодня, не сейчас, вдруг будет хоть полчаса без боли! Пусть это будут полчаса на полу, да хоть раком, только без боли!!! Давай, издевайся надо мной, покажи своим подружкам, какой у тебя послушный раб, что хочешь сделает, сам себя кнутом отходит, ведь он знает, что может быть ещё хуже! Ведь ему же безразлично, лежит ли он на полу под твоими ногами, стоит ли голышом на всеобщем обозрении, а если и не безразлично, так это вдвойне приятно, правда же?

Позорище какое, разревелся идиот, расскажи ей ещё, где у тебя болит...

Тамалия

Всё я сделала не так, слишком рано, не доверяет он мне, не готов выговориться, хотя кажется, прекрасно понимаю всё, что мог бы сказать, чуть ли не мысли слышу.

Антер до боли стискивает меня, замочив пеньюар, какое-то время не отдаёт себе отчёта, после останавливается – резко, видимо, приложив массу усилий и не удивлюсь, если снова прокусив губу.

– Простите меня, госпожа, – отстраняется, отпуская.

– Мне на «ты» больше понравилось, – улыбаюсь.

– Простите, – вспыхивает.

Лежащий в кармане пеньюара коммуникатор – привычка всегда держать его рядом – впивается в ногу и я протягиваю руку чуть поправить. Антер вдруг взвизгивает, в мгновение оказавшись на полу у моих ног, сжимая колени:

– Не надо, пожалуйста, я никогда больше...

– Ты чего? – удивляюсь, но тут же доходит: видимо, решил, что без пульта я бы к нему не отправилась. – Это комм, смотри, – достаю, демонстрирую. – Твой пульт в сейфе. Он мне не нужен, я бы выкинула его, если бы...

– Что если бы? – хрипло. Отпускает руки, что это у него за «можно касаться – нельзя касаться»? Не подаю виду, что заметила.

– Всё сложно, – вздыхаю. – Возвращайся в кровать.

– Когда будете продавать?

– Никогда. Клянусь.

Да когда же ты уже научишься хотя бы подниматься сразу же, а не стоять ещё полчаса на коленях, выясняя, что тебе грозит?

– Только не Амире, умоляю, не к ней, я всё сделаю, приказывай... Только не к ней... Что угодно... Лучше обратно на опыты... С колен не встану, любую прихоть исполню, только не возвращай меня...

Кажется, меня тоже затрясло, обхватываю его голову.

– Ты что... – шепчу, – никогда, не думай даже, никогда, клянусь тебе, я тебя ей не отдам, всё сделаю, чтобы ты даже случайно к ней не попал...

– Что такое клятвы господ...

– Для тебя пустой звук, понимаю...

Вскидывает глаза, в них будто что переключается. Ну слава богам, хотя бы не решает вновь вымаливать прощение.

– Какое будет наказание? – глухо спрашивает, покусывая губу.

– Не будет никакого наказания, – отвечаю. – Спать ложись.

– Но я же такого наговорил...

– Я ничего не слышала, – усмехаюсь. – Тебе приснилось. Спи.

Аккуратно поднимаюсь, обхожу его, чтобы не задеть случайно. Так и стоит на коленях, провожая меня взглядом. Горе моё. Надеюсь, всю ночь стоять не будешь?

Хочется вернуться, обнять, приласкать. Только, боюсь, снова передёргиваться начнёт.

Дура я. Всё сделала не так.

С утра, едва успеваем позавтракать, заявляется Олинка, дочка дорогого Корнеля. Есть же мужики, которые на исключительно женской планете умудряются занимать такое высокое положение и отхватывать себе горы деньжищ!

Попросив Антера сидеть у себя и не высовываться, встречаю её с самой счастливой улыбкой, которую только могу изобразить. Подружка, как-никак, чтоб ей в аду гореть тысячелетиями.

Молоденькая восемнадцатилетняя дрянь... До шестнадцати за девочками плотно следят, при всех вольностях, царящих здесь, всё же не позволяют слишком уж рано заводить рабов-мужчин.

Увы, не могу её послать: они с папашкой находятся у меня в разработке, так как должны вывести к Трём Главам. Надеюсь.

– Ну как он тебе, дорогая? – с порога начинает щебетать это нечто, которое ни женщиной, ни девушкой я бы не назвала. Смазливая, ухоженная, в бриллиантах и дорогом платье гнилая дрянь. Боже, какая отвратительная. – Я сама выбирала тебе раба, понравился?

Хм... как на это отреагировать, интересно? Специально мне «отвратительного любовника» подсунула? Не верю, что не осматривала.

– Ты же знаешь, это мой первый раб, спасибо тебе, это так мило! – благодарю.

– А пульт уже попробовала, все кнопки? – глаза горят, боги, как бы сдержаться и не вмазать ей в рожу. Садюга поганая!

– Конечно, он так прикольно орёт! – улыбаюсь. – Только потом лечить нужно, а то валяется бревном.

– Да зачем лечить, само пройдет, так интереснее. Правда, – заносчиво кривится, – я не подумала, он же у тебя один, пока заживать будет, скучно, а так от болевого шока раньше времени подохнет. Слушай, а там правда на твоём пульте есть кнопка «возбуждение»? Вроде я слышала, обновлённый образец?

А чёрт его знает... Мне вспомнился рассказ про «таблетки», значит, наверное, никакой такой кнопки нет? Или Амира добавила подобную функцию под конец, с неё станется?

– Дай посмотреть! – прямо руку тянет, чуть не слюни изо рта бегут.

– Знаешь, – лихорадочно соображаю, как быть, – прости, но это мой первый раб, и мне хочется сначала самой наиграться. А то вчера встретили предыдущую хозяйку, так она сразу же к нему в штаны полезла, я лучше потом тебе дам, когда надоест... или ещё себе другого куплю. Только ж их прокормить нужно, – добавляю, чтобы не вздумала дарить мне дубль два. – Много денег забирают, а я же не так богата, как ты.

– Хочешь, поменяемся? – аж руки дрожат, да что же вам всем так мой Антер нужен?! Чёрта с два я его кому отдам!

– Не хочу! – улыбаюсь.

– Первая игрушка самая любимая? – прячет недовольство за фальшивым пониманием. Милый, как же тебе повезло, что она тебя для меня выбирала. И как не повезло всем остальным, кто попал к ней...

– Слушай, – снова начинает, – а как он на колени становится? Сам? Или заставляешь?

– Сам, конечно, – пожимаю плечами.

– Я читала его историю...

Коза мелкая, лучше бы что полезное почитала, какое удовольствие можно получить, читая истории рабов? Да ещё и чужих. Что ж он тебе так дался, не было заботы! Не отдам!

– Он же раньше вольным был! Представляешь?! Это же такой кайф... Его долго приучали на колени становиться, некоторые, знаешь, сами готовы, но это же не то, а вот когда он не хочет, когда ему противно, неприятно... Когда ещё помнит вкус свободы...

Щёки покраснелись, глаза горят... Боже, и это – девушка? Мать, любимая, целительница? Исконно женские призвания. Интересно, а если бы тебя в рабство, дорогая? Долго бы ты вкус свободы помнила?

Её взгляд падает на своего собственного раба, тихо стоящего у двери.

– Эй, а ты что в непотребной позе? – гневно. – А ну на колени, забыл, как в моём присутствии стоять нужно?

– Хозяйка не приказывала... – отвечает, пытаясь исполнить, но кольцо от поводка, наде-
тое на крючок, не позволяет.

– На колени!

– Олинка, его кольцо не пускает, – говорю.

– Его проблемы, что мне, вставать, что ли? – злится.

– Давай я поправлю, мне не сложно, – поднимаюсь, стараюсь не спешить, снимаю кольцо с крючка, еле удерживаюсь, чтобы не погладить волосы. Ещё один несчастный. Сам боится даже руку протянуть, чтобы это кольцо убрать...

Успокойся. Ты не спасёшь всех. Пока. Зато если успешно выполнишь задание... может, хоть что-то изменится.

Парень опускается на пол, но Олинка уже забыла, что ей лениво было вставать, подхватывается, в руках хлыст – длинный, с зазубринами.

– Из-за тебя госпожа Ямалита вынуждена была подниматься! – кричит, ударяя, парень вскрикивает, принимается извиняться. Чем бы отвлечь?

– Да ладно, – говорю, – тебе ещё домой с ним идти, не перестарайся.

– Доползёт, – цедит сквозь зубы, снимая пульт с пояса. – Хочешь побаловаться?

Парень бледнеет, вцепляется пальцами в ковёр.

– Выдерешь нитки – убью, – говорит «подруженька», нажимая на кнопку острой боли, парень падает, изгибается, кричит.

– Дай посмотреть! – выдираю чуть не силком грёбанный пульт, начинаю рассматривать кнопки, судорожно соображая, что сделать. Не могу, не могу! Говорили же мне, что эмоционально я не готова к длительной работе под прикрытием, моё место – в кабинете с бумагами! Ну и на кратковременных операциях.

– Да, у меня такой же, – сообщаю разочарованно, – ничего интересного.

Откладываю на стол, она хищно следит за мной, но пока не отбирает. Тянет руку к поясу. Что, непривычно без пульта?

– Покажи свой, – переключается.

– Да такой же, – сообщаю, – в сейфе, лениво доставать. Ничего особенного.

– А раба? Покажешь?

– Наказан, – говорю, – приказала лежать и не шевелиться.

– А за что?

– Так, обозвал меня.

– Обозвал?! – глаза огромные, чёрт, зря я... – За это шкуру содрать нужно! Можно я накажу?

– Ну может не меня, не знаю, – выкручиваюсь. – Услышала как он ругается, не знал, что я слушаю, но я предпочла решить, что на меня.

– Понимаю, – гадко так, – хороший повод наказать... Слушай, а он правда отвратительный любовник?

Мне вдруг становится обидно за Антера. Да какого чёрта!

– Глупости! – говорю. – Это просто хозяйка у него фригидная была, такого мужчину не оценила! Лучший из всех, что у меня были!

Куда меня несёт... Глаза снова горят, твою мать, хотела как лучше...

– Ну ты же у нас на реабилитации, после группового изнасилования?

Тактичная ты моя, а если бы это была правда?

Опускаю глаза:

– Покорный раб хорошо помогает справиться, – отвечаю смущённо. – И как это я сама не подумала, чтобы прикупить?

– Ну, на их фоне любой хорошим покажется, – глумливо.

– Знаешь, у меня и до этого мужчины были, так что есть, с чем сравнить.

Вот зачем, идиотка! Снова глаза разгораются:

– Дашь попробовать?

– Не дам! – возмущаюсь.

– Почему? – искренне изумляется. – Хочешь, я своего тебе дам? Он тоже много чего умеет и ласковый, если вдруг резкое движение – у меня всегда пульт под рукой.

Классный секс, ничего не скажешь. Похоже, мысленное управление Олинке не в кайф – нравится своими пальчиками тыкать.

– Не хочу, – качаю головой. – Еле этого подпустила, привыкнуть надо.

– Понимаю, – разочарованно и без грамма понимания. – Ну позови его, а? Так хочется посмотреть... Что тебе, жалко?

– Не хочу отменять наказание.

– На сколько ты его наказала? Я позже зайду, ты будь добра не наказывай его снова. Если вдруг провинится, я помогу, хорошо?

С тоской понимаю, что не отстанет.

– Конечно, – соглашаюсь, – заходи как-нибудь, развлечемся.

Пристраивает пульт на пояс, уходит, заставляя раба тащиться на коленях. Сука.

Не успеваю проводить и вернуться в кресло, Антер тут как тут. На полу у ног, уткнул голову в мои колени.

– Спасибо, – тихо, еле слышно. Провожу рукой по мягким тёмным волосам, молчу.

– Она вернётся, – говорит. Поднимает на меня глаза, кажется, несколько посветлевшие.

– Вернётся, – вздыхаю. – Надеюсь, не сегодня и не завтра.

– Сегодня, – отвечает уверенно.

Я не могу с ней порвать, я не могу её не подпустить... чёрт, у меня конспирация!

– Тебе хозяйка досталась ненормальная, – усмехаюсь. – Не любит боль причинять.

– Это как раз нормальная, – тихо шепчет. Ну да, и не возразишь.

– Тебя насиловали? – спрашивает, кажется, даже сопереживает. Чёрт, не вздумай меня жалеть! По сравнению с тем, через что ты прошёл, даже если бы это было правдой, всё равно бы ерундой показалось...

– Не хочу об этом говорить.

– Простите...

– Что мне делать? – спрашиваю.

– Вы не сможете прятать меня вечно. Пусть посмотрит и успокоится.

– Если бы только «посмотрит», – вздыхаю. – И если успокоится... Пульт я ей не дам ни за что, кнут спрятан, но у неё свой.

– Выдержу, не впервой.

– Прости... – шепчу. Смотрит удивлённо, склоняется, целует колено – нежно так, по-настоящему.

– Перестань, – говорю.

– Извините! – пугается. Да я же не к тому, чтобы не касался... Горе моё издёрганное.

Поднимается, надо же, сам.

Прав оказывается, не проходит и трёх часов, Олинка возвращается. С другим рабом. Помоему, тот, который Дэн. Даже думать не хочу, что сделала с предыдущим беднягой, попавшим под похотливую неудовлетворённую ручку.

– Не цепляй, – предотвращаю её движение снова надеть кольцо на крюк. – А то опять неправильно стоять будет.

Раб смотрит на меня с ненавистью. Прости, дорогой, видел бы ты, что тут творилось... Лучше уж постой.

Олинка пожимает плечами:

– Этот мне надоел, видеть его не хочу.

– Пусть тогда в кухне посидит, – предлагаю, указывая рабу на соответствующую дверь. Стоит, не двигается, ждёт распоряжений.

– Нет, – сообщает эта чудесная девочка. – Я плохо себя чувствую, если кто-нибудь из них не стоит на коленях.

Да ты больна, дорогая, у тебя зависимость уже.

– Ну пусть стоит, – пожимаю плечами, про себя сожалея, что не выторговала бедняге немного отдыха.

– У тебя соль есть?

Лихорадочно соображаю, зачем ей может понадобиться соль, мотаю головой:

– Нет, закончилась.

– Перец? Крупа какая-нибудь?

– Неа, комбайн как раз отдала заправить, а запасов не держу.

Только на кухню не сунься.

– Ладно, – произносит раздражённо, потом лицо озаряется улыбкой и она достаёт из сумочки кошелек с острыми колючками. – Забыла, что как раз купила.

Высыпает перед рабом, показывая, куда именно ему встать. Тот вздыхает, опускается на колени.

– Ты что, недоволен? – спрашивает.

– Доволен, госпожа, – спешит уверить раб.

– Оставь его, – говорю, – пусть думает о своём поведении.

Лучше бы крупу дала, честное слово.

– Ну что, – переключается, хватаясь за кнут и начиная поглаживать. – Прошло уже наказание? Покажешь?

– Ладно, – отвечаю, словно бы балансируя на грани недовольства и желания похвастаться. Нет, через полгода ты у меня тут не останешься, тварь. Такие, как ты, жить не должны.

– Антер! – зову. Выходит, в новой одежде, плечи расправлены. Вот таким ты мне ужасно нравишься!

Бросаю взгляд на Олинку. Глаза горят, язык обводит губы. Хорош, хорош, вижу... нравятся.

– Ох, и почему я его себе не оставила? – сожалеет. – Раздевайся!

Антер не двигается.

– Олинка, – говорю, – я его хозяйка, он меня слушается.

– Правильно, конечно, – с долей обиды. – Но и меня тоже должен. Ты что, против, чтобы он разделся?

– Он мой! – повышаю голос.

– Не жадничай, всё равно я его уже видела. Ну покажи, хотя бы надпись!

Руки тянутся к пульту, сейчас ведь ни в чём не повинного парня мучить будет, если желанную игрушку не дают.

– Ладно, – говорю, желая убить сразу двух зайцев, – твой тогда пусть тоже разденется.

– Хорошо, – радуется.

– Вставай, – говорю её рабу, – раздевайся.

– Ты тоже, – добавляет Антеру. Оба дожидаются подтверждающего кивка от своих хозяек. Меня тошнит от собственной роли. У Олинкиного раба все колени кровоточат, но уж лучше подняться и раздеться, чем продолжать стоять на этих шипах.

– Давай я его полечу, чтоб тебе меньше забот было, – предлагаю, идя за медиком.

– Да ладно, ну его, – тянет, жадно следя за тем, как Антер раздевается.

Достаю походного медика, парень отшатывается, но перечить боится. Надеюсь, хуже не сделаю... Вручаю ему, пусть сам залечивает, так как похотливые ручки уже тянутся к чёрной надписи, и нужно спасать моё драгоценное имущество.

Олинка приседает, упираясь на колено, с вожделием рассматривает чёрные буквы. Сведу гадость поскорее! Сегодня же перепроверю, делают ли это где-нибудь ещё на чёртовом Тарине.

Ощупывает пальцами, прикасается языком. Антера ощутимо передёргивает. Олинка вскакивает:

– Он посмел выразить неприязнь!

Выхватывает кнут.

– Это мой раб! – осаждаю холодно. – Если бы он не выказывал неприязнь к кому-либо, кроме меня, получил бы уже от меня.

– На, – протягивает кнут. – Накажи сама.

– Не хочу, – отказываюсь. – Он правильно сделал. Это МОЙ раб! – подбавляю истеричных ноток. Олинка предпочитает не настаивать.

– Давай на колени, – командует. Антер стоит. Олинка начинает психовать.

– На колени перед госпожой!

– Я его хозяйка, – напоминаю.

– Так прикажи ему!

– Это мой раб!

– Ну ты же обещала! – такая непосредственная обида. – Скажу папе, что зря тебе подарили!

А вот этого не нужно, портить отношения с Корнелем я не собираюсь.

– Да что мне, жалко, что ли, – иду на попятную. Антер смотрит как на предателя, впрочем, быстро берёт себя в руки, становясь непроницаемым.

– Давай, раб, исполняй пожелания моей гостьи.

Ох зря я дура, дура! Олинка тут же заводится.

– Быстро на колени, скотина!

Антер исполняет, ему тут же суют под нос коленку:

– Показывай, какие удовольствия доставлять умеешь!

– Он мне доставляет, – вклиниваюсь, – а тебе пусть твои доставляют!

– Ну что тебе, жалко?

– Жалко! – начинаю разыгрывать истерику. Антер поднимается. – Это мой раб, мой первый раб! У тебя их вон сколько, зачем тебе мой? – ору, плачу, жалуюсь. Её глаза оборачиваются к своему, уже отложившему походного медика.

– Давай поменяемся, а? – предлагает тоскливо. – Хоть на денёк?

– Нет! – упрямо мотаю головой.

– Ну ты же сама сказала, чтобы он исполнял мои пожелания... Посмотри, он посмел подняться! Сам!

– Знает, что если я недовольна, меня лучше не злить!

– Да ну? – недоверчиво. Конечно, я ж ни разу ещё при ней даже не попыталась ударить. И потом, саму Олинку разозлило бы именно то, что поднялся. После просительно:

– Ну можно ещё чуть-чуть... Ну пожалуйста...

Вздыхаю, киваю. Что с такой сделаешь.

Берёт его руку, кладёт себе на грудь, закрывает глаза. Бедный мой раб не в силах сдержать гримасу отвращения.

– Ты видишь?! – орёт Олинка, бьёт его рукояткой кнута по лицу, я кидаюсь наперерез, ору, что он мой раб, она доказывает, что я должна его наказать... В общем, чудесно проведённый день, всегда о таком мечтала. Антер, то ли видя, что я скоро окажусь в тупике, то ли боясь, что решу поразвлечься с Олинкой, то ли желая хоть так защититься от нее, решает по-своему. Опускается на колени, хватая мои ноги, бормочет о прощении – за то, что прикоснулся к кому-то кроме меня, за то, что не удержался и скривился, за то, что прикоснулся без разрешения ко мне и ещё не знаю за что, Олинка всё же замахивается, ударяет кнутом – профессионально, не задев стоящую рядом меня, болезненно, он дёргается, кожа на спине лопаётся, он сжимает мои ноги сильнее, я ору на Олинку, что это мой раб... И понимаю, что второго такого кошмара просто не переживу.

– Кто тебе разрешал лечиться? – переключается вдруг на своего.

– Ты же сама разрешила! – отвечаю. Смотрит недоверчиво.

– Ну дай пульт, а? Хоть разок нажать...

Извращенка чёртова.

– Не дам! – упираюсь. – Он мой!

– Ну нажми сама!

– Не хочу!

Антер затих, не отпускает. Едва ощутимо трясётся. По спине льётся кровь.

– Идём, – говорит Олинка, хватая ошейник.

– Одень его! – напоминаю.

– Обойдётся, – злобно отвечает. – Он меня плохо развлекал.

– Госпожа, – взмолившись, восклицает раб. – Я же исполнял все ваши пожелания...

– Кто тебе давал право говорить? – рука тычет в первую попавшуюся кнопку на пульте, мужчина падает, изгибается, пытается молчать, Олинка остервенело тыкает в остальные кнопки, добавляет сверху кнутом и успокаивается, только услышав вопль.

– Вот так, – сообщает удовлетворённо. – Знаешь, что один мне придумал? Сразу же кричать, хотел чтобы не нажимала больше. Теперь все знают, нужно терпеть до последнего, и орать, только если не вмоготу. Симулянтов такое ждёт... – мечтательно улыбается. Иди уже отсюда, психопатка грёбаная, видеть тебя не могу! Неужели таких полпланеты?? Взорвать тут всё к чёртовой бабушке! Ненавижу!

– Ещё перечить будешь? – спрашивает. Раб тяжело дышит, глаза мутные, но на ноги встаёт, качает головой, хрипит, что никогда не посмеет, пусть прекрасная госпожа пощадит неразумного.

– Пришлѐшь мне одежду, ладно, лень нести? – спрашивает напоследок.

– Так пусть он сам несёт, – предлагаю. Хоть чем-то будет прикрыться да кровь промокнуть. Олинка пожимает плечами, но кивает разрешающе. Исполосованный бедняга собирает одежду и на дрожащих ногах ковыляет за ней.

– Как мне повезло... – выдыхает в мои колени Антер. Провожу рукой по волосам.

– Пусти, медика возьму.

Разжимает руки, но так и не поднимается. Снова назад отбросило, вот чёрт. Залечиваю рану, протираю тёплым мокрым полотенцем.

– Иди, – говорю, – искупайся...

Парня бьёт мелкая дрожь. Опускаюсь к нему, обнимаю, кладу голову к себе на плечо.

– Ну всё хорошо, милый, всё хорошо, я постараюсь больше не допустить, надеюсь, ей надоест и... твою ж, не хочу так говорить, бедный тот, на кого она переключит внимание. Но ты мой...

Чёрт, не то, он не собственность, не нужно ему этого внушать!

– Не продавай меня... пожалуйста...

– Никогда, обещаю.

– Я буду слушаться беспрекословно, слова против не скажу, никогда не посмею снова тебя...

– Прекрати, – шепчу. – Прекрати...

Так и не обнял меня в ответ. Ох, видимо, вернулось всё отвращение. Отпускаю. Встаю, спешу быстренько собрать шипы и бросить в утилизатор.

Минут через двадцать Олинка возвращается.

– Я у тебя забыла свои камешки, – заявляет.

– Извини, я уборщика запустила, и он их утилизировал.

Лицо искривляется.

– Прости, не подумала. Я тебе новые куплю.

– Не надо, я и сама куплю. Лучше дай еще раз на Антера посмотреть.

– Не дам.

– Ну последний раз, честно! Больше не буду.

– Клянёшься?

– Слово даю!

– А сдержишь?

Оскорблённая невинность:

– Леди Олинка Альвейская из рода «Звездопроходца» всегда держит слово!

Тоже мне, леди нашлась, поганка недоразвитая! Но молчу, киваю.

– Честно, последний раз, – уверяет.

– Ладно, если последний. Антер!

Выходит, халат успел накинуть, молодец, нечего ей спину зажившую видеть. Да и ссадины от удара рукояткой кнута уже нет. Зато на её собственном несчастье побоев прибавилось... Справляюсь с тошнотой. Тварь. Я тебе жизни не дам. Даже если приказа не будет – сама лично прибью и закопаю. Пусть хоть под трибунал потом.

– Что-то он у тебя слишком хорошо себя чувствует, что, залечила уже?

– Посмотрела?

– Нет. Ты же знаешь, на что я хочу посмотреть, а ты всё не даёшь...

Тянет руки, куда приличные девушки не тянут, развязывает и распахивает халат, Антер стойко сносит, закусив губу.

– Моё! – рычу.

– Ну покажи, пожалуйста...

Даже не знаю, что лучше. Выгнать? Самой возбудить? Или позволить, наконец, этой дуре посмотреть и заткнуться?

Нет, мои прикосновения он потом не сможет выносить, пусть весь негатив на неё валится.

– Один раз, – повторяет, – как договорились, последний раз...

Ох, надеюсь! Хотя бы будет что тебе припоминать.

– Ладно, – уступаю. – Давай. Посмотришь – и всё! Ты поняла? Ты поклялась!

Поспешно кивает, облизывает губы, начинает умело работать пальчиками. Да ты, девочка, небось всех своих мужиков изводишь?

Пока она не видит, беру медика и заживляю самые большие отметины на Дэне. Но слежу, когда нужно будет бросаться на помощь своему.

Тело Антера, как ни странно, отвечает. Я-то думала, омерзение все чувства перебьёт. Хотя, здоровый мужчина, сколько он там после Амиры перед торгами в бараке сидел, не меньше двух недель? Против природы не особенно попрёшь. Правда, учитывая пульт... В любом случае, я рада, пусть увидит, как он хорош, и валит уже!

– Смотри-ка, а я-то думала, – сообщила Олинка.

– Говорю же, всё в порядке у него, – недовольно. Ловлю себя на мысли, что я и сама ещё не видела. Да только как-то и не хочется, особенно в такой обстановке.

– Ну можно разок, а?

– Ты обещала! – откладываю медика, подхожу.

– Ну Ямалита...

– Нет, пока я не наиграюсь, никому нельзя! – отрезаю непреклонно, пытаюсь запахнуть на Антере халат. Эта дура не удерживается, хватает мужское достоинство руками, приседает, обводит губами, языком. Бедного Антера, кажется, вот-вот стошнит. Разыгрываю злость – впрочем, разыгрывать не нужно, я и без того зла как чёрт! Оттаскиваю – дрянь не забывает укусить, Антер кричит, я закатываю скандал, в общем, всё по кругу, выгоняю, наконец-то, сто раз напоминаю про обещание, пугаю, что расскажу Корнелю, это её тревожит, просит не рассказывать, требую взамен сдержать слово. Кажется, она наконец-то довольна. Боже, боже. За что мне это.

Бросаюсь к медику, Антер крошит зубы, но молчит, брызгаю анестетиком, медик работает, парень наконец-то успокаивается, боль отпускает. Обессилено опускается на пол где стоял, падаю в кресло, выдыхая. Вот денёк.

Глава четвертая

Тамалия

Вечером сидим, ужинаем. У Антера расширяется диет-меню, я стараюсь не дразнить вкусами. Хорошо выходит. Тихо, спокойно. Думаю.

Мы давно работаем с рабством, кое-что знали и о рабстве на Тарине, но такого как-то... Нет, можно было, конечно, предположить, но ведь сверху все они достаточно цивилизованные люди. А как окунаешься... Это же кошмар.

Насчёт черрадия проверила – нигде больше не сводят. Жаль. Но что-то меня эта планета всё сильнее и сильнее пугает, никому, кроме собственной медкабины, доверять не тянет. Может, заказать нашим препараты и программу операции, и тут всё провести?

– Послушай, – говорю, когда чай допит, но вставать убирать посуду ещё лень. Поднимает глаза, слушает. – Во-первых, я хочу, чтобы ты был моим телохранителем. Насчёт оружия, конечно, сложнее... не могу пока тебе в руки дать, сам понимаешь.

Кивает.

– Но какие-то навыки у тебя должны быть, я правильно понимаю?

– Были когда-то, – бурчит.

– Можешь с кнутом потренироваться.

Снова кивает.

– В общем, в свободное время – вспоминай, пожалуйста. Займись упражнениями, можешь в саду, как тебе удобнее.

– Вы же запираете меня.

– Ну прости, дорогой, сам должен понимать.

Опять кивает. Понимает. Улыбаюсь мягко. Ведь я боюсь не только того, что ты сбежишь, но и того, что с жизнью вдруг решишь распрощаться. В первый день дёргалась, не отобрать ли всю одежду, простыни – да всё. Не умею я рабов содержать. Только надеюсь, что у меня тебе не настолько плохо, что жить всё-таки хочется и надежда есть впереди.

Молчу. Он тоже молчит – не знаю, понимает ли и это тоже, но не скажу ему этого пока. Может, потом... Может...

– Дальше, – продолжаю, – даю тебе разрешение поднимать руку на свободных, если они угрожают мне либо тебе. Договорились?

Смотрит не слишком доверчиво.

– Ну ты же должен иметь возможность защитить меня, – поясняю, – а не дожидаться разрешения. Могу бумагу выписать, если боишься, что не сдержу слова и всё на тебя свалю. Нужно будет разузнать, как это делается.

– Никто не посмотрит на бумагу, – пожимает плечами. – Потому что важен сиюминутный приказ господина.

– А как же у Свеллы телохранительница...

– Если она элитная, то у неё статус. Это отдельный разговор.

Как всё сложно, оказывается! Вздыхаю:

– В общем, хочу, чтобы ты знал: я тебя не накажу и заступлюсь, если вдруг что. Только не стой больше, пожалуйста...

Прерываю себя, едва не напомним ему про штаны, но он вспыхивает – сам догадался.

– Прости, – говорю, – не хотела...

Глядит удивлённо. Ничего, милый, ты у меня ещё привыкнешь и к извинениям, и к другим нормальным человеческим отношениям. Главное, не забывать, с кем имею дело, не ляпнуть чего... Сложно это, ну да справлюсь.

– Договорились? – спрашиваю. Согласно кивает.

На следующее утро из-за стены доносятся характерные звуки. Похоже, зарядку делает. Даю приказ замку в его комнате открыться.

Пока моюсь и настраиваю комбайн, обнаруживаю парня в нашем маленьком садике под окнами, с обратной от дороги стороны. На улице тепло, он в лёгких спортивных брюках, вижу скользкую от пота спину. Не могу не залюбоваться. Будто совсем другой человек передо мной. Будто забыл свой страх, отдался движению, вспоминает, ошибается, делает заново, выпад, подсечка, падает, тут же вскакивает... Замечает меня: не успеваю шагнуть за дверь. Не могу сдерживать улыбку.

Мгновение – и передо мной уже снова совсем другой человек, подходит, не успеваю сообщить – опускается на колени, склонив голову:

– Доброе утро, госпожа.

Дыхание ещё неровное, но старается выровнять.

– Ну зачем это, – шепчу. – Продолжай, мне так нравится смотреть. Или ты уже окончил?

– Как прикажете.

– Еда готова, если что, можем есть пойти, – предлагаю. Молчит.

– М-мм... Антер? А сколько раз тебе нужно сказать, чтобы ты поднялся? Ты мне сразу сообщи, буду отсчитывать.

Зря шутить пытаюсь, не шутят с таким. Для меня это дикость, а для него – видимо, непосредственные требования всех предыдущих хозяев.

– Как прикажете, госпожа.

– Прости, – каюсь, – глупо пошутила.

– Что вы, госпожа, не извиняйтесь, – бормочет, в глазах ужас, соображаю, что мы на улице. Ну и чёрт с ним! Почему я не могу обращаться с собственным рабом, как мне нравится? А потому, дорогая, чтобы не привлекать излишнего внимания. На Тарине так никто, похоже, не обращается.

– Вставай давай, уж не знаю, как тебе и сказать.

– Вы ни разу еще не сказали, – тихо, будто боясь, что ругаться начну.

– Ладно, – отвечаю, поворачиваясь и заходя в дом. – Я есть пошла, а ты сам смотри.

В дальнейшем буду тихо подсматривать, чтобы не спугнуть.

Вскоро приходит на кухню, успел даже сполоснуться и одежду поменять. Чуть не пропускаю момент, когда перешагивает порог, тут же говорю садиться. Этак я совсем нервной стану. До чего довели красавца, он, похоже, у Амиры вообще на ноги не вставал. Убила бы.

– Послушай, – начинаю, – мне не нужно, чтобы ты постоянно на колени становился, понимаешь? Не нужно.

– Мне не сложно, – тихо.

– Но для чего?

– Я лучше встану лишний раз, чем пропущу... когда надо.

– Да никогда не надо, – отвечаю. Молчит. С трудом перебарываю желание сообщить ему, что это мой приказ. Не выход. От любых приказов мы избавляемся. Пусть не прячется за приказами...

– Не хочу приказывать тебе, – говорю. – Это не приказ. Просто мне это не нужно, понимаешь? И тебе не нужно. Поэтому можно обойтись.

– Понимаю, – откликается тихо. – Но раба, отступающего от правил, всегда можно за это наказать, если госпожа всё-таки решит, что это было нужно.

– Я не наказываю тебя, – говорю. – И не собираюсь.

– У вас есть пульт, – мрачно. Что тут ответишь?

Молчим.

– Антер... – зову. Поднимает глаза, смотрит вопросительно. – Ну а если бы я приказала? Что бы ты делал?

– Исполнял бы, – отвечает. Угу. Вижу по глазам, что исполнял бы, а сам в аду жил бы, в постоянном ожидании наказания за невыполнение одного из двух противоречивых приказов.

– Ладно, – вздыхаю. – Кушай.

Вяло приступает. Снова подаю голос:

– А ты где-то учился? Красиво, я имею в виду, двигаешься.

– Давно, – пожимает плечами. – Ещё когда с родителями жил. И в охране потом немного давали основы. Но там мы всё больше с оружием.

В семье... Хочу расспросить, но боюсь. Не сейчас. Как это тяжело, не представляю.

Не помешало бы на реабилитации показаться, давненько там не была. Смотрю на Антера. Ему бы отдохнуть, дома в тишине посидеть, после всех этих происшествий. Успокоиться хоть немного. Побуду сегодня дома.

Закрылся у себя, не выходит. Нервничаю, но не трогаю. Может, ему отдохнуть хочется. Только когда время обедать – заглядываю тихонько, постучав. Ой, надо же, свернулся клубочком вверх покрывала, спит. Отдыхай, мой хороший. Приходи в себя.

Антер

Пытаюсь обдумать всё, что узнал. Говорит, приехала недавно. Может, с нормальной планеты? Нужно будет выяснить. Но что тогда ей мешает быть собой, вести себя так, как принято во всём цивилизованном мире? Зачем подстраиваться под местные стандарты?

Впрочем, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Если она надолго, собирается оставаться здесь... Видимо, пытается соответствовать. Может, я обучающий экземпляр, чтобы сделаться настоящей аристократкой? Может, ей нужно научиться издеваться над людьми, причинять им боль?

Но зачем же тогда убеждает меня...

Когда она говорит, что ей не нужно...

Демон, не хочется думать. Сколько можно анализировать и пытаться понять, чего ещё от них ждать?! Всё равно в итоге всё заканчивается одним и тем же.

Ну и денёк вчера был. Как представляю, что мне могла такая, как Олинка, достаться, сразу словно током прошибает. Собрались бы две подружки и давай развлекаться, чей раб дольше кричать будет... Передёргиваюсь.

Одно знаю точно. Если ещё раз ко мне подойдёт Амира, что бы Ямалита потом ни делала, но сегодняшним её разрешением я воспользуюсь!

Жар стыда снова заливает щёки. Когда Амира сама выводила меня куда-то, в обществе даже на колени почти никогда не заставляла становиться: у них это вроде как не принято, выхваляться тем, что вытворяют с рабами дома. А здесь... Надпись ей показать понадобилось. Конечно, от неё и не того ожидать можно.

Особенно почему-то неприятно, что всё это видела Ямалита.

Лежу на кровати. Редкие часы тишины и отдыха, у других хозяев такое счастье почти и не выпадало. Сам не замечаю, как отключаюсь. Надо же.

Просыпаюсь – время далеко за полдень, уж вечер скоро. Есть охота. Как это меня хозяйка до сих пор не хватилась, не понадобился?

Странно это. Привожу себя в порядок, выхожу.

Сидит на диване, смотрит какую-то развлекательную передачу в виртуальном окне. Не Таринскую, похоже. Иду как обычно бесшумно, но она меня замечает – наверное, где-то отражение мелькнуло. Оборачивается.

Тамалия

– Привет, – улыбаюсь, поднимаясь навстречу. – Отдохнул? Есть хочешь?

Глаза настороженные, неопределённо плечами пожимает, кажется, намерен любимую позу покорности занять. Спешу перехватить, веду на кухню, просто потому, что приятно сделать это для него. Усадить, как человека, поставить тарелку. Отъедайся, мой исхудавший.

– Я... – начинает, кашлянув. – Не нужен вам был? Извините...

– Был бы нужен – позвала бы, – отвечаю. – Не переживай. Завтра пойдёшь со мной, а сегодня я даже комм не беру, чтобы никто не заявился. Сегодня отдыхаем.

Молчит, обдумывает.

– Непривычно? – улыбаюсь. Ведёт плечами, смотрит настороженно.

– Ладно, ешь давай, не буду мешать, – встаю. А то пока размышляет, с чего ему такое счастье привалило, и есть забудет. Привыкай, милый.

Выходит через время в гостиную, мнётся нерешительно.

– Хочешь что-нибудь посмотреть? – спрашиваю, кивая на сетевик. – Достать тебе окошко?

Пожимает плечами. Да уж, собственные пожелания высказывать тебе явно не давали.

– Проходи, садись, – говорю, – не стесняйся.

Достаю окошко, проходит. Усаживается на пол в полуметре от меня.

– Антер... – зову. – Тебе удобно?

– Конечно, госпожа.

– Садись на диван.

Посматривает. Киваю поддерживающе:

– Пожалуйста, не жди, что я постоянно буду тебе указывать, где сидеть. Никаких запретов на этот счёт у меня нет. Хорошо?

Кивает. Вручаю ему виртуальное окно. Пересаживается на диван.

Надо же, тихий семейный вечер. Находит какой-то лёгкий стереофильм, даже улыбается. Я забрасываю свои дела и люблюсь. Всегда бы так.

Антер

Госпожа куда-то собирается, снова приказала надеть что-то из того, что сам выбирал. Странные ощущения. Станный вчера был день, невероятный по моим представлениям. Сказали бы мне, что такое возможно – не поверил бы. Всё ждал подвоха, когда хозяйка расхохочется, кнутом заедет, на пульт нажмёт: «Что, раб, расслабился? Мечтать не вредно!»

Надо же, пронесло. Ничего не требовала, даже с разговорами почти не приставала.

Не помню, когда у меня последний раз о пожеланиях спрашивали. Кого волнует, хочет ли раб посмотреть фильм или поиграть на компьютере? А если вдруг узнают, что хочешь – будут наоборот, издеваться и не давать, дразнить и наказывать.

Мой вредный характер, конечно, периодически даёт себя знать, сообщаю господам что-нибудь из того, чего бы мне хотелось или куда бы им пойти. После этого обычно обеспечена неделя побоев, их игры с пультом и мои клятвы никогда, никогда больше не смею говорить ничего подобного...

Хватает на несколько дней презренного рабского существования в пыли их ног, а потом снова дурацкий протест рождается в душе.

Одежду, в которой был в «Земной чашечке», надевать как-то не хочется. Слава богу, госпожа не настаивает. Брюки с застёжками, открывающимися от прикосновения, тоже кажутся отвратительным изобретением. Обнаглед ты, раб, раньше одной одеждой на все случаи жизни обходился...

Да и чего ты дёргаешься? Чего переживаешь, что хозяйка видела? Она за эти дни много чего увидела, и ещё и не такое увидит – стоит приказать.

Мрачно стискиваю зубы. Обычно хозяева вызывают страх, отвращение, презрение. Противно, что обязан их слушаться, стыдно перед собой – но не перед ними.

Едва ли госпожа сильно переживала бы, если бы одним презренным рабом стало меньше. Но почему-то именно сейчас, когда при желании можно было бы найти возможность всё прекратить, вдруг начинает хотеться жить...

Тамалия

Сегодня прохладно, если сравнивать с предыдущими днями. Тогда жара стояла изматывающая. Я её, конечно, люблю, но спрятать под лёгкой одеждой хоть что-нибудь из моего арсенала весьма проблематично. В шорты ещё как-то можно, а вот под топик не особенно и засунешь.

Сегодня надела лёгкие брючки, взяла жакетик. Чувствую себя чуть более защищённой. Небо хмурится, того и гляди дождь пойдёт. Бросаю в сумку ручку гравизонта.

Я уже успела изучить все рабские правила в местном информационном пространстве. Кнут носить с собой, оказывается, не обязательно – просто местная мода. Обязателен лишь пульт. Правда, первый раз явиться с рабом на занятия и без кнута...

Что-то кнут сияет первозданной целостностью, нужно будет что-нибудь потом с ним сделать, а то как новый. Ещё заметит кто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.